ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

Къ 900-лѣтію крещенія Руси.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ

СВЯТЫЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ.

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

СОСТАВЛ. *И. Ю. Некрасовымъ.*

СЪ 4 РИСУНКАМИ.

МОСКВА.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ. Моховая, д. Торлецкой.
1888.

Дозволено цензурою. Москва, іюля 7-го дня 1888 года.

I.

...реданіе объ Андреѣ Первозванномъ. Владиміръ въ Кіевѣ. ...зыческая жизнь князя. Христіане въ Кіевѣ. Первые русскіе мученики.

Хранится такое преданіе о Святомъ Андреѣ Перво...ванномъ, Апостолѣ Христовѣ: онъ приплылъ изъ Чер...аго моря къ устью рѣки Днѣпра. Отсюда поплылъ онъ ...о рѣкѣ дальше къ горамъ — на то мѣсто, гдѣ теперь ...тоитъ городъ Кіевъ. Святый Андрей остановился подъ ...орами на берегу. Тогда еще не было здѣсь Кіева, и ...еизвѣстно, жили-ль какіе люди около рѣки. Всталъ Апо...толъ утромъ на другой день и сказалъ своимъ ученикамъ:

— Видите-ли горы эти? На сихъ горахъ явится благо...ать Божія: будетъ здѣсь городъ великій. По Божіей ...олѣ многія церкви здѣсь постановятся.

Послѣ этихъ словъ Апостолъ взошелъ на горы и ...лагословилъ ихъ. Потомъ поставилъ на нихъ крестъ, ...омолился онъ Богу и сошелъ съ горы.

Такъ, по преданію, предсказалъ Святой Андрей о ...іевѣ, славномъ городѣ русской земли.

Вотъ уже почти десять вѣковъ стоитъ этотъ городъ. ...нъ первый былъ столицею всего русскаго государства, ...ще только образовавшагося въ исходѣ IX и въ началѣ ...X вѣка; его, въ ту глубокую старину, назвалъ русскій ...нязь Олегъ Вѣщій „матерью городовъ русскихъ;" въ ...емъ принято крещеніе въ Христіанскую Православную ...ѣру Русскимъ народомъ при великомъ князѣ Владимірѣ ...ъ 988 году; и въ него доселѣ стекаются богомольцы ...о всѣхъ сторонъ Россіи, ибо въ немъ, по пророчеству

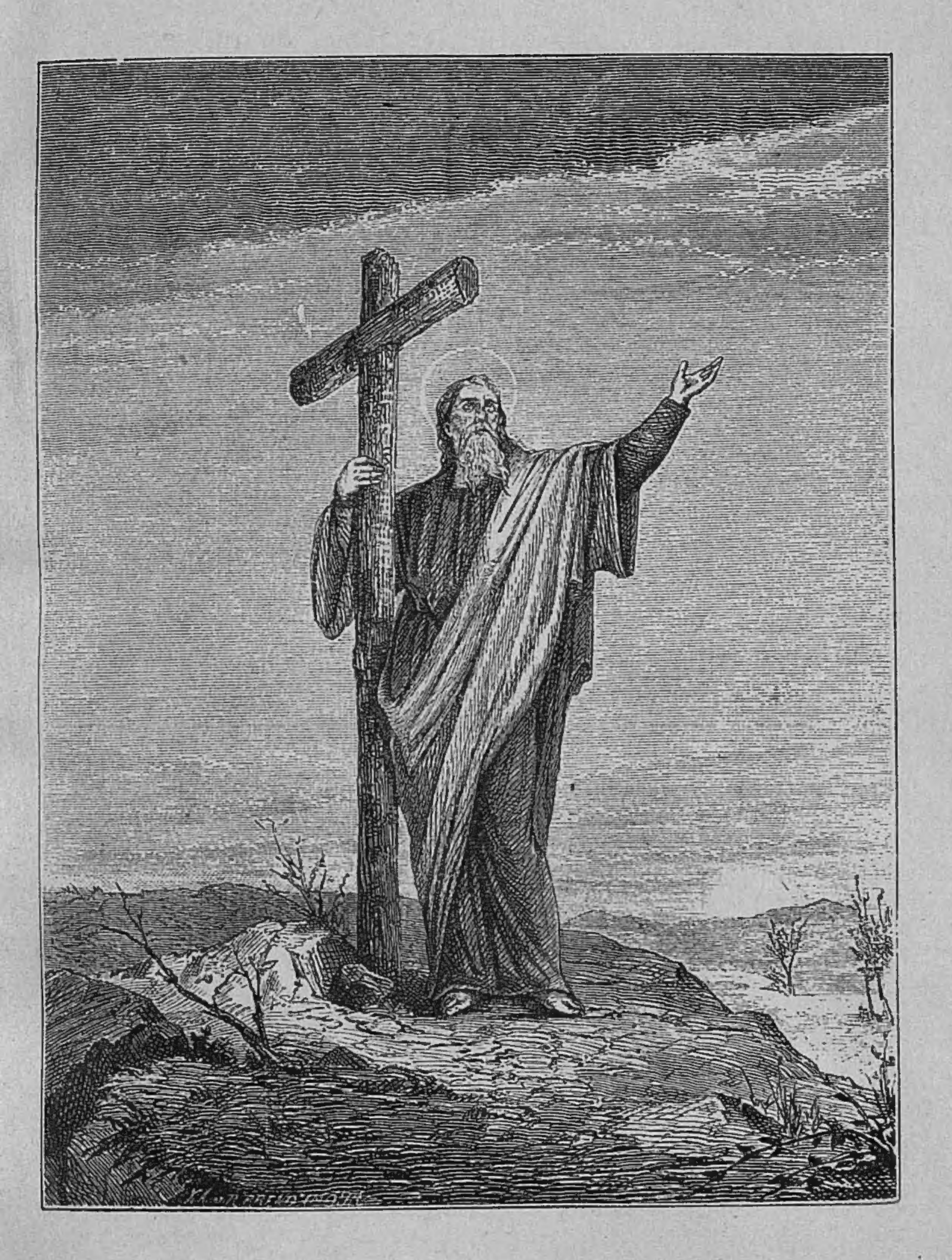
Апостола Андрея Первозваннаго, возсіяла благодать Божія: въ немъ много храмовъ Божіихъ и древнихъ православныхъ святынь, всегда драгоцѣнныхъ душѣ всякаго истинно русскаго и православнаго человѣка, благочестиво преданнаго вѣрѣ отцовъ своихъ и родной землѣ.

Въ предлагаемомъ разсказѣ вспоминается, какъ Великій князь Владиміръ оставилъ язычество, крестился самъ въ Христову вѣру, крестилъ свой народъ и какъ жилъ онъ въ Кіевѣ, управляя Русью.

Владиміръ, меньшой, третій сынъ Великаго князя Святослава, былъ посланъ отцемъ княжить въ Новгородъ. Старшій братъ Владиміра, Ярополкъ посаженъ княземъ въ Кіевъ, а средній, Олегъ, въ землѣ Древлянъ. Отецъ ихъ, Святославъ, раздѣливъ управленіе Русью сыновьямъ, ушелъ въ дунайскую Болгарію и тамъ вскорѣ погибъ въ страшномъ бою съ печенѣгами, въ 972 г. По его смерти, Ярополкъ разсорился съ братомъ Олегомъ; произошла между ними война, и въ ней Олегъ былъ убитъ.

Услыхалъ про это Владиміръ въ Новгородѣ. Онъ испугался, какъ бы ему не досталось отъ брата, и убѣжалъ за море къ варягамъ. А Ярополкъ посадилъ своихъ посадниковъ въ Новгородѣ и сталъ одинъ править на Руси.

Черезъ три года Владиміръ воротился съ варяжскимъ войскомъ въ Новгородъ. Онъ сказалъ Ярополковымъ посадникамъ: „идите къ моему брату и скажите: „Владиміръ идетъ на тебя, собирайся съ нимъ биться“. И сѣлъ Владиміръ опять въ Новгородѣ. Въ это же время онъ посылаетъ сказать Рогволоду, князю Полоцкому: „хочу взять твою дочь себѣ въ жены:“ Когда Рогволодъ спросилъ у дочери: „хочешь ли идти замужъ за Владиміра?“—она отвѣчала: „не хочу разуть сына рабыни“.—Тогда был

Апостолъ Андрей на горахъ Кіевскихъ.

обычай (онъ остался и теперь кой-гдѣ въ нашемъ народѣ), что молодая должна въ первый день свадьбы разувать мужа. А Владиміръ былъ сынъ ключницы рабыни.—„Я хочу идти за Ярополка“, говорила Рогнѣда, потому что Кіевскій князь тоже за нее сватался. Послы Владиміра воротились въ Новгородъ и передали своему князу всю рѣчь Рогнѣдину. Владиміръ разсердился; онъ собралъ большое войско и пошелъ къ Полоцку. Въ это время Рогнѣду уже собирались везти свадебнымъ поѣздомъ къ Ярополку въ Кіевъ. Но Владиміръ, завладѣвъ Полоцкомъ, взялъ ее себѣ женою, а отца и двухъ братьевъ ея убилъ. Рогволодъ этотъ былъ родомъ варягъ и пришелъ было изъ-за моря княжить въ землѣ полоцкой. Городъ Полоцкъ и теперь стоитъ, въ нынѣшней Витебской губерніи, при впаденіи рѣки Полоты въ Западную Двину.

Отъ Полоцка Владиміръ пошелъ съ войскомъ къ Кіеву. У Ярополка мало было воиновъ. Онъ заперся съ ними и воеводою Блудомъ въ Кіевѣ. Тогда Владиміръ окопалъ рвомъ все мѣсто, гдѣ расположилось его войско подлѣ Кіева; и потомъ тихонько подослалъ къ Блуду льстиво уговаривать его: „удружи мнѣ: если я убью своего брата, то хочу имѣть тебя вмѣсто отца, и много чести получишь отъ меня; не я вѣдь началъ братоубійство, а онъ; я же испугался, что и меня убьетъ, и самъ пришелъ на него“. Блудъ велѣлъ сказать Владиміру: „я буду тебѣ отъ всего сердца пріятелемъ“. И Ярополкъ обманно былъ убитъ, а Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ въ 980 г. Итакъ на Руси опять одинъ князь сталъ править.

Послѣ того варяги, что пришли съ Владиміромъ изъ Новгорода, говорятъ князю: „городъ то Кіевъ нашъ! Мы овладѣли имъ; хотимъ взять дань съ его жителей,

по двѣ гривны съ человѣка". Владимiръ отвѣчалъ имъ: „подождите мѣсяцъ, соберутъ вамъ дань".—А самъ въ это время уговаривалъ лучшихъ изъ варяговъ смириться, не насильничать въ городѣ и остаться у него на службѣ. Кто были изъ нихъ получше, смышленѣе и храбрѣе, тѣ послушали Владимiра; и онъ роздалъ въ управленiе имъ русскiе города. Остальные варяги ждали дани мѣсяцъ, и не дождались. И говорятъ они князю: „обманулъ ты насъ, такъ укажи намъ дорогу къ грекамъ". Владимiръ сказалъ: „идите"!

Остался Владимiръ въ Кiевѣ. И захотѣлъ онъ почтить своихъ языческихъ боговъ. Поставилъ онъ шесть деревяныхъ идоловъ въ Кiевѣ. Главный, Перунъ, былъ съ серебряной головою и позолоченнымъ усомъ. Его поставили на холму передъ самымъ теремнымъ дворцомъ князя. Кiевляне приносили жертвы тѣмъ идоламъ, величая идоловъ своими богами, закалали своихъ сыновей и дочерей передъ истуканами. Вся русская земля и холмъ тотъ осквернились человѣческой кровью. Дядю своего, Добрыню, Владимiръ посадилъ посадникомъ въ Новгородѣ. И Добрыня поставилъ тамъ такого же Перуна надъ рѣкою Волховомъ, и другихъ идоловъ въ разныхъ мѣстахъ.

Весело жилось язычнику Владимiру въ Кiевѣ. Онъ имѣлъ у себя много женъ, изъ нихъ иныя были славянки—изъ Чехiи и Болгарiи. Постоянно пировалъ онъ съ своими дружинниками. На столахъ въ его княжескомъ дворѣ подавались разныя вкусныя кушанья, греческiя вина и русскiй крѣпкiй медъ. Дружинники всегда были готовы забавлять князя веселыми разговорами и разными потѣхами, борьбой, стрѣляньемъ въ цѣль, всякою игрою. Славянскiе пѣвцы, по обычаю, складывали пѣсни

про старину — былое и пѣли на княжескихъ пирахъ. А тутъ еще подвертывались веселые скоморохи—плясуны и пѣсенники. Не даромъ въ старину прозывались они: „скоморохи—люди вѣжливые“! Всякаго умѣли они задобрить, лишь бы только ихъ угостилъ, да кой чѣмъ подарилъ. А за то они и попляшутъ, и напоютъ разныхъ веселыхъ пѣсенъ, и на гусляхъ поиграютъ. Такъ пировалъ въ Кіевѣ князь Владиміръ! Народъ любилъ князя. Воинскіе походы счастливо Владиміру удавались. Воротился онъ изъ одного похода, захотѣлъ поблагодарить своихъ идоловъ за побѣду.

Сказали тогда городскіе старцы, княжіе бояре, Владиміру: „кинемъ жребій на мальчика и дѣвицу. На кого падетъ, того мы и заколемъ въ честь богамъ“.

Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ, и дворъ его отстоялъ всего на сто саженъ отъ княжескаго. Варяга звали Ѳедоромъ, у него былъ сынъ Иванъ, мальчикъ прекрасный и душой, и съ виду. Ѳедоръ переселился изъ Греціи на житье въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ сыномъ онъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру. До сихъ поръ онъ жилъ мирно въ Кіевѣ, хотя и между язычниками. Въ Кіевѣ еще при бабкѣ Владиміра, Ольгѣ, были двѣ христіанскія церкви. Даже раньше, у Игоря, мужа Ольги, многіе княжескіе дружинники, особенно изъ варяговъ, были христіане. Они имѣли въ Кіевѣ церковь во имя Пророка Иліи. А великою княгиней Ольгою, послѣ ея крещенія, была еще выстроена деревянная церковь во имя Св. Софіи. Христіанъ прибавлялось въ Кіевѣ и при Святославѣ, отцѣ Владиміра. Святославъ цѣлые годы проживалъ въ славянской Болгаріи; русскіе знали еще и чеховъ, и другихъ славянъ; а въ девятомъ столѣтіи, какъ извѣстно, святые Кириллъ Меѳодій распространяли

у этихъ славянъ православную вѣру. Потомъ русскіе часто ходили въ Грецію, а греки въ Русь, особенно въ Кіевъ. Значитъ русскіе могли научаться Христовой вѣрѣ и отъ грековъ и отъ своихъ соплеменниковъ—славянъ. Еще больше кіевляне могли научиться у святой княгини Ольги. И такъ русскіе язычники привыкли къ христіанамъ и не преслѣдовали ихъ. Есть преданіе, что Ярополкъ, братъ Владиміра, особенно любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, боясь народа, то другимъ не запрещалъ. И вообще русскіе никогда въ то время никого не преслѣдовали за вѣру. Но все-таки въ Кіевѣ пока было гораздо больше язычниковъ, чѣмъ христіанъ.

Брошенъ былъ жребій боярами и городскими старцами. Онъ выпалъ на Ѳедорова сына, Ивана. Пришли посланные отъ народа и сказали варягу: „на твоего сына палъ жребій; боги пожелали взять мальчика себѣ; мы принесемъ его въ жертву богамъ“.

— Не боги это, но дерево! смѣло отвѣчалъ Ѳедоръ,— нынче есть, а завтра сгніетъ, ни ѣдятъ они, ни пьютъ, ни говорятъ, ибо сдѣланы руками изъ дерева: а Богъ есть единъ; Ему служатъ Греки и поклоняются; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, далъ человѣку жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? Сами они сдѣланы. Не дамъ своего сына бѣсамъ!

Посланные пошли, сказали это собравшимся людямъ. А люди взяли оружіе и бросились къ Ѳедорову двору; они разломали изгородь около дома. Ѳедоръ же съ сыномъ взбѣжали въ сѣни дома. Люди опять говорятъ Ѳедору: „отдай своего сына, мы пожертвуемъ его богамъ“. Ѳедоръ отвѣчалъ сверху, съ крыльца: „если это вправду боги, пускай пошлютъ отъ себя одного бога, и тотъ самъ возьметъ моего сына. А вы-то о чемъ такъ хлопо-

чество"?... Тогда народъ поднялъ крикъ и подсѣкъ сѣни подъ отцомъ и сыномъ. Такъ и убили варяговъ. Никто не зналъ, гдѣ ихъ погребли. Убитые за твердое обличенiе неправды языческой, они считаются первыми русскими мучениками. Если бы жребiй не палъ на Θедорова сына, конечно, и отецъ и сынъ жили бы свободно въ Кiевѣ. Наша церковь причла Θедора и Iоанна къ лику святыхъ и празднуетъ ихъ память двѣнадцатаго iюля.

II.

Походъ Владимiра на Болгаръ. Иноземные послы въ Кiевѣ. Владимiръ долженъ разлюбить язычество.

Черезъ годъ послѣ мученической смерти двухъ варяговъ, Владимiръ пошелъ войною на Болгаръ камскихъ. Тѣ Болгары не были Славяне. Издавна отдѣлились они отъ своихъ единоплеменниковъ, Хазаръ. Жили въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Кама сливается съ Волгою, и выше, гдѣ нынѣ городъ Казань. Въ ста двадцати трехъ верстахъ ниже нынѣшней Казани, и въ девяти верстахъ отъ берега, была у нихъ столица, подъ названiемъ: *Болгары*. Донынѣ уцѣлѣли отъ нея развалины, около десяти разныхъ бывшихъ зданiй. Теперь на этомъ мѣстѣ, близъ города Тетюшъ, село Богородицко-Успенское, Спасскаго уѣзда.—Болгары были вѣры магометовой.—Владимiръ пошелъ на нихъ съ своимъ дядею Добрыней и побѣдилъ ихъ. Но Добрыня тутъ же сказалъ Владимiру: „я смотрѣлъ болгарскихъ плѣнниковъ; они въ сапогахъ ходятъ: такiе не станутъ всегда давать намъ дань, пойдемъ искать лапотниковъ".—И Владимiръ заключилъ миръ съ Болгарами. Тѣ поклялись: „тогда не будетъ

мира между нами, когда развѣ камень начнетъ плавать въ водѣ, а хмель тонуть!“

На другой годъ послѣ заключенія мира пришли отъ этихъ Болгаръ послы къ Владиміру. Они говорили: „ты князь мудрый и смышленый, а не знаешь закона: вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету“...

— А какая вѣра ваша? спросилъ Владиміръ.

Они отвѣчали: „вѣруемъ Богу, а Магометъ учитъ насъ не ѣсть свинины, не пить вина, а по смерти жить будемъ съ женами. Дастъ Магометъ каждому на томъ свѣтѣ по семидесяти красивыхъ женъ“.—Владиміръ выслушалъ ихъ, онъ самъ любилъ имѣть много женъ; но не понравился ему запретъ ѣсть свиное мясо и пить вино; онъ и говоритъ болгарскимъ посламъ: „Руси веселье пить, не можемъ безъ того быть“! Такъ послы ничего и не добились отъ князя.

Потомъ приходятъ къ Владиміру нѣмцы католики изъ Рима и говорятъ: „пришли мы, посланные отъ папы; онъ такъ велѣлъ тебѣ сказать: земля твоя—какъ и наша земля, а вѣра ваша не такая, какъ наша; ибо наша вѣра есть свѣтъ; мы кланяемся Богу, сотворившему небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всякое дыханіе, а ваши боги просто дерево“.—Владиміръ спрашиваетъ ихъ: „какая ваша заповѣдь“? Они отвѣчали: „постъ по силамъ каждому; если же кто пьетъ и ѣстъ, то во славу Божію“... И сказалъ Владиміръ нѣмцамъ: „идите назадъ! Отцы наши не приняли этого“.—Вѣрно Владиміръ подумалъ, что и бабушка его Ольга не изъ Рима приняла христіанство. Вѣрно онъ также вспомнилъ, какъ нѣмцы католики притѣсняли въ то время другихъ славянъ, все равно какъ еще за сто лѣтъ назадъ они притѣсняли святыхъ Кирилла и Меѳодія. Конечно, въ

Кіевѣ слыхали о томъ, какъ католики принуждали славянъ къ своей латинской вѣрѣ. Въ Кіевъ съѣзжались разные люди изъ Чехіи и другихъ славянскихъ земель.

Приходятъ затѣмъ жиды изъ хазарскаго царства. Хазары въ то время жили около нижней Волги. Тамъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ, стоялъ, у праваго берега Дона, ихъ городъ Бѣлая Вѣжа или Саркелъ, построенный по ихъ просьбѣ Греками. Теперь эта мѣстность находится въ землѣ войска Донскаго. Еще до Владиміра русскіе славяне проѣзжали черезъ Саркелъ въ Итиль, хазарскую столицу. Она стояла при устьѣ Волги, нѣсколько выше нынѣшняго города Астрахани. Славяне покупали въ Итилѣ разныя украшенія, особенно бусы изъ зеленаго стекла (крупный бисеръ); за одну бусину платили иногда по 15 и 20 копѣекъ на наши деньги.—Каганъ—такъ всегда назывался главный правитель Хазаръ—исповѣдывалъ съ своимъ семействомъ іудейскую вѣру.

Жиды и говорятъ Владиміру: „слышали мы, что пришли Болгары и христіане, каждый учитъ тебя своей вѣрѣ. Христіане вѣруютъ въ Того, Кого мы распяли; а мы вѣруемъ единому Богу Авраама, Исаака и Іакова“. И спросилъ ихъ Владиміръ: „что такое законъ вашъ“? Они отвѣчали: „обрѣзаться, не ѣсть свинины, ни заячины; не работать, а молиться въ субботу“. Владиміръ спросилъ опять: „да гдѣ же ваша земля“? Они отвѣчали: „въ Іерусалимѣ“.—Онъ же сказалъ: „а теперь она тамъ ли?“—Они проговорили: „Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ насъ за грѣхи по разнымъ странамъ; а земля наша отдана христіанамъ“...

— Какъ же вы учите другихъ, когда сами отвержены Богомъ и разсѣяны?—сказалъ Владиміръ;—„если бы

Богъ любилъ васъ и вашъ законъ, не скитались бы вы по чужимъ землямъ. Или вы думаете и намъ это принять?" Жиды замолчали, нечего было отвѣчать.

Наконецъ Греки присылаютъ къ Владиміру одного философа. Философъ по-гречески значитъ мудрецъ. Греки велѣли сказать Владиміру: „слышали мы, что приходили къ тебѣ Болгары, уча, чтобы ты принялъ ихъ вѣру; но ихъ вѣра нечистая. Приходили также нѣмцы изъ Рима; ихъ вѣра немного разнится отъ нашей, но они ея не исправили."

Владиміръ сказалъ философу: „вотъ еще жиды говорили мнѣ, что нѣмцы и Греки вѣруютъ въ Того, Кого они, жиды, распяли"...

— Да, мы въ Него вѣруемъ, отвѣчалъ философъ.

— Зачѣмъ же Онъ сходилъ на землю и принялъ такое страданіе? спросилъ Владиміръ. Философъ отвѣчалъ: „если хочешь послушать, я тебѣ все сначала разскажу, зачѣмъ Богъ сходилъ на землю".

— Послушаю, радъ, сказалъ князь.

И философъ разсказалъ ему о сотвореніи міра, о потопѣ, потомъ о пришествіи Христа Спасителя на землю, о Его крещеніи, страданіяхъ и воскресеніи. Послѣ своего разсказа онъ показалъ завѣсу, вытканную золотомъ. На ней была изображена картина суда Господня. Философъ указалъ князю праведниковъ на правой сторонѣ картины, идущихъ съ радостію въ рай, а грѣшниковъ по лѣвую сторону, идущихъ на мученія. Владиміръ, вздохнувъ, сказалъ: „добро этимъ направо, и горе тѣмъ, кто налѣво". Философъ и говоритъ: „если хочешь стоять направо съ праведниками, то крестись". Владиміръ сохранилъ въ сердцѣ слова философа, но сказалъ ему: „подожду еще немного".—Владиміру хотѣ-

Философъ объясняетъ картину Страшнаго Суда Владиміру.

лось еще лучше разузнать и раздумать о всѣхъ вѣрахъ. Философу онъ сдѣлалъ дорогіе подарки и съ великою честью отпустилъ его въ Царьградъ.

И такъ задумался князь Владиміръ, какую вѣру принять ему съ народомъ. Не могъ онъ попрежнему любить язычество. Ему все помнилась проповѣдь греческаго философа. Тоска и страхъ томили сердце князя. Сколько проливалось человѣческой крови въ Кіевѣ въ честь Перуна! А кто же этотъ Перунъ? „Это дерево, нынче есть, а завтра сгніетъ“—вспоминалась смѣлая рѣчь варяга мученика. Тяжело было Владиміру отъ раздумья... Конечно и не всему народу нравилось жестокое язычество. Сколько сгубило оно сыновей и дочерей у родителей! Вѣдь родители должны были по жребію приносить своихъ дѣтей въ жертву. А въ это же время всѣ другіе славяне уже ведутъ добрую жизнь христіанскую, просвѣщенные святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ это же время въ самомъ Кіевѣ многіе горожане мирно живутъ по Христову закону... И навѣрное, число этихъ кіевскихъ христіанъ все увеличивалось.

III.

Совѣщаніе Владиміра. Русскіе послы въ разныхъ земляхъ. Разсказъ пословъ о своемъ путешествіи.

Черезъ годъ послѣ своего разговора съ иноземными послами о вѣрѣ, Владиміръ созвалъ своихъ бояръ и старцевъ изъ горожанъ кіевскихъ. Онъ сказалъ имъ:

— Приходили ко мнѣ Болгары, совѣтуя принять ихъ законъ; потомъ пришли нѣмцы изъ Рима, и тѣ хвалили

свой законъ; еще приходили жиды. А вотъ послѣдні
пришли Греки, хулили всѣ законы и хвалили тольк
свой; и много они разсказывали о жизни всего міра с
самаго ея начала; искусно они говорятъ, чудесно слу
шать ихъ; каждому любо ихъ слушать; они говорятъ
кто въ ихъ вѣру вступитъ, тотъ по смерти возстанетъ
и ужъ никогда не умретъ... Ума моего не достаетъ
не знаю что сдѣлать... Придайте мнѣ ума, посовѣ
туйте!..

— Ты знаешь, князь, что никто не хулитъ своего,
хвалитъ, отвѣчали Владиміру бояре его и старцы от
народа:—если хочешь еще лучше испытать всѣ вѣры
то у тебя есть мужи: пошли ихъ, и узнаешь служб
каждаго народа, какъ онъ молится Богу.

Полюбилась эта рѣчь князю и всѣмъ людямъ. Вы
брали изъ кіевлянъ десять человѣкъ хорошихъ и смыш
леныхъ, и сказали имъ: „идите сперва къ Болгарамъ
узнайте ихъ вѣру". Выборные отправились въ болга
скую землю; не понравилось имъ магометанское бог
служеніе въ мечетяхъ. Потомъ Владиміръ послалъ этих
выборныхъ къ нѣмцамъ.—„А оттуда, сказалъ онъ, идит
къ Грекамъ".

Побывали десять русскихъ пословъ въ нѣмецких
краяхъ и потомъ приходятъ въ Царьградъ. Тогдашні
греческій царь принялъ ихъ къ себѣ и спросилъ, з
чѣмъ пришли. Они все ему разсказали. Услыша их
отвѣтъ, царь очень обрадовался и оказывалъ им
большой почетъ въ тотъ день. На другой же день у
ромъ послалъ сказать патріарху: „русскіе послы пришли
желаютъ испытать нашу вѣру; приготовь церковь
клиръ, а самъ облачись во святительскія ризы; пусть
Русскіе увидятъ славу Бога нашего". Услыша это, пат-

іархъ велѣлъ созвать весь клиръ церковный, то есть сѣхъ служащихъ въ церкви духовныхъ лицъ. Устроили ъ великомъ, богато украшенномъ храмѣ Св. Софіи раздничное соборное служеніе; зажгли всѣ паникадила, на обоихъ крылосахъ уставлены были лики, то есть обранія пѣвчихъ. Императоръ пошелъ съ русскими полами во храмъ и поставилъ ихъ на просторномъ ѣстѣ. Показывалъ онъ имъ всю красоту церковную. Слушали они чудесное пѣніе пѣвчихъ, то пѣвшихъ поочередно съ праваго и съ лѣваго крылоса, то сливавшихъ голоса въ одинъ согласный хоръ. Русскіе послы идѣли всю архіерейскую службу и предстояніе діаконовъ. Греки объясняли русскимъ все исполнявшееся а ихъ глазахъ богослуженіе. Русскіе послы изумлялись хвалили православную службу. Когда кончилась церковная служба, пословъ позвали во дворецъ; тамъ одѣили ихъ богатыми подарками и отпустили въ Кіевъ.

Выборные воротились въ Кіевъ. Владиміръ снова созалъ бояръ и старцевъ изъ народа. Онъ сказалъ имъ: воротились посланные нами мужи; послушаемте, что ни видѣли". Выборные стали разсказывать передъ сѣми:

— Ходили мы къ Болгарамъ, смотрѣли, какъ они оклоняются въ своемъ храмѣ, то есть въ мечети: тоитъ распоясавшись поклонится, сядетъ; и глядитъ уда и сюда, будто бѣшеный! И нѣтъ у нихъ веселья, о печаль и смрадъ великій; нѣтъ добра въ ихъ законѣ... Приходимъ послѣ къ нѣмцамъ; видѣли—многія лужбы бываютъ въ ихъ храмахъ, а красоты никакой е видали... А вотъ пришли къ Грекамъ; и повели они асъ туда, гдѣ служатъ своему Богу. Не знаемъ, па ебѣ-ль мы были, на землѣ-ли! Не умѣемъ сказать,

есть гдѣ на землѣ такой видъ, или такая красота. Только знаемъ, что тамъ, въ греческихъ храмахъ, Богъ пребываетъ съ людьми; и служба у грековъ лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ земляхъ. Мы не можемъ забыть ту красоту... Всякій человѣкъ, если отвѣдалъ сладкаго, послѣ не принимаетъ горькаго: такъ и мы не можемъ больше оставаться въ своей прежней вѣрѣ...

Тогда бояре сказали Владиміру: „если бы дуренъ былъ греческій законъ, то бабушка твоя Ольга не приняла бы его. А она была мудрѣе всякаго человѣка“...

— Гдѣ же намъ принять крещеніе? спросилъ Владиміръ.

— Гдѣ тебѣ угодно, отвѣчали бояре и старцы отъ кіевскаго народа.

Конечно, разсказы русскихъ выборныхъ пословъ стали изъ княжескаго терема расходиться въ Кіевѣ среди народа. Навѣрное, эти разсказы разносились и дальше за Кіевъ. Русскій народъ думалъ о нихъ, толковалъ и такимъ путемъ все больше знакомился съ христіанскою вѣрою...

IV.

Осада Корсуни Владиміромъ. Князь принимаетъ крещеніе и женится. Сверженіе Перуна въ Кіевѣ.

Прошелъ годъ, когда Владиміръ выслушивалъ разсказы русскихъ пословъ о разныхъ вѣрахъ. Въ слѣдующемъ, 988-мъ году, случилась война Руси съ Греціей. Владиміръ пошелъ походомъ въ греческую область Тавриду, нашъ теперешній Крымъ. Тамъ онъ хотѣлъ взять городъ Корсунь, или Херсонесъ; развалины этого города и теперь остались въ Инкерманской долинѣ, въ

двухъ верстахъ отъ нынѣшняго города Севастополя. Въ настоящее время здѣсь построенъ храмъ во имя Святаго князя Владиміра.—Корсунцы заперлись въ городѣ. Владиміръ съ своимъ войскомъ подступилъ къ Корсуню на разстояніе одного выстрѣла. Осажденные крѣпко оборонялись изъ города. А Владиміръ все стоялъ около него. Люди въ Корсунѣ изнемогали. Владиміръ объявилъ имъ: „если не сдадитесь, буду стоять здѣсь хоть три года". Они не хотѣли его и слушать. Тогда Владиміръ велѣлъ сыпать насыпь передъ городскими стѣнами. Съ нея можно было бы русскимъ и стрѣлять, и ворваться въ городъ. Но по ночамъ, когда русскіе спали, корсунцы тихонько отъ нихъ перетаскивали насыпную землю въ свой городъ; тамъ они сваливали ее среди города. Такъ время тянулось: русскіе все сыпали насыпь, ночью она все уменьшалась, а Владиміръ стоялъ съ войскомъ у города.

Только разъ одинъ корсунецъ, именемъ Анастасъ, пустилъ стрѣлу изъ города въ станъ русскій; на ней было написано Владиміру: „за тобою къ востоку есть колодезь; оттуда вода течетъ по трубамъ въ нашъ городъ; перекопай трубы и останови воду". Владиміръ, узнавъ это, посмотрѣлъ на небо и сказалъ: „если такъ сбудется, я крещусь". И потомъ онъ велѣлъ перекопать трубы; вода перестала течь въ городъ. Корсунцы чуть не помирали отъ жажды, и сдались. Владиміръ съ своею дружиной вошелъ въ Корсунь и послалъ сказать греческимъ царямъ, Василію и Константину: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что имѣете сестру дѣвицу: если не отдадите ея за меня, я съ вашимъ Цареградомъ сдѣлаю тоже, что сдѣлалъ съ этимъ городомъ".

Греческіе цари испугались. У Владиміра было много

войска. Они отвѣчали русскому князю: „не должно христіанокъ отдавать за язычниковъ; если окрестишься, то получишь и нашу сестру, и съ нами будешь одной вѣры; если же не хочешь этого сдѣлать, мы не можемъ отдать свою сестру за тебя". Владиміръ отвѣчалъ посланнымъ отъ царей такъ: „я крещусь; я прежде этого времени испыталъ вашъ законъ; мнѣ ваша вѣра нравится, о ней мнѣ разсказывали люди, ходившіе къ вамъ изъ Кіева отъ меня и отъ моего народа".

Цари обрадовались отвѣту Владиміра. Они стали умолять свою сестру Анну, чтобы согласилась выйти замужъ за Владиміра. А въ тоже время послали сказать ему: „окрестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ нашу сестру".—Но русскій князь отвѣчалъ: „пускай окрестятъ меня тѣ, кто придетъ съ вашею сестрой".

Цари послушались. Они стали собирать разныхъ вельможъ и священниковъ къ отъѣзду съ царевной. Анна же пугалась, не хотѣла ѣхать. Она говорила:

— Словно въ плѣнъ идти... Лучше бы мнѣ здѣсь умереть...

Но братья убѣждали ее: „Богъ черезъ тебя обратитъ русскую землю къ покаянію; а греческую землю ты избавишь отъ лютой войны; видишь ли, сколько зла сдѣлала Русь грекамъ? И теперь, если не пойдешь, тоже будетъ всѣмъ намъ"...

Наконецъ она согласилась. Сѣвши на корабль, прощалась со своими родственниками и съ плачемъ поѣхала по морю. Корабль отъ Царяграда приплылъ къ Корсуню. Горожане вышли съ поклономъ навстрѣчу царевнѣ, ввели ее въ городъ и помѣстили во дворцѣ. Горожане сказали Аннѣ, что Владиміръ ничего не видитъ—очень разболѣлся глазами; тоскуетъ и не знаетъ,

что ему дѣлать. Царевна послала сказать ему: „если хочешь избавиться отъ своей болѣзни, окрестись скорѣе; иначе не выздоровѣешь“. Владиміръ согласился и сказалъ: „когда вправду такъ будетъ, то по истинѣ великъ Богъ христіанскій“. Корсунскій епископъ съ царевниными священниками окрестилъ Владиміра въ церкви св. Василія, стоявшей на торговой площади среди города. Владиміру дали при крещеніи имя Василія. Послѣ крещенія князь выздоровѣлъ и прославилъ Бога. Видѣла это княжья дружина, и многіе изъ нея сейчасъ же послѣ Владиміра окрестились.—Потомъ Владиміръ обвѣнчался съ царевною Анной.

Наконецъ собрался князь съ своею молодою супругой въ Кіевъ. Онъ взялъ съ собою корсунца Анастаса и священниковъ; также взялъ мощи св. Климента, открытыя еще Кирилломъ и Меѳодіемъ, когда братья ходили къ хазарамъ. Еще взялъ Владиміръ изъ Корсуня иконы, и церковные сосуды, и разную церковную утварь. Въ Корсунѣ онъ поставилъ церковь на той самой насыпной горѣ, что корсунцы насыпали, похищая землю изъ насыпи, дѣлавшейся было русскими во время осады Корсуня. Еще Владиміръ повезъ изъ Корсуня четыре мѣдныхъ копя и двѣ мѣдныя статуи, схожія съ мраморными изображеніями женщинъ. Эти украшенія стояли до сихъ поръ на корсунской площади, а теперь должны были украшать кіевскую площадь. На нихъ долго и послѣ Владимірова княженія русскій народъ дивился въ Кіевѣ. Иные въ народѣ долго ошибались, думая про мѣдныя статуи, что онѣ сдѣланы изъ мрамора.—Самый городъ Корсунь Владиміръ воротилъ грекамъ вмѣсто *вѣна* за царевну Анну. Вѣномъ назывался подарокъ новобрачнаго родственникамъ новобрачной. Въ наше

время въ нашемъ народѣ мѣстами сохраняется обычай, похожій на старинное славянское вѣно: это выкупъ невѣсты женихомъ; если у невѣсты есть братъ, онъ садится на женихово мѣсто и не пускаетъ жениха, пока тотъ не заплатитъ *вѣнечнаго*.

Воротясь въ Кіевъ, Владиміръ приказалъ свалить идоловъ: однихъ рубить, другихъ жечь огнемъ. Перуна велѣлъ привязать къ хвосту лошади и такъ волочь съ горы въ Днѣпръ. Поволокли его дорогою по названію „Боричево путище"; двѣнадцать человѣкъ въ это время били идола палками. Это дѣлалось не потому, чтобы дерево могло чувствовать побои, а въ поруганіе язычеству. Конечно христіане, жившіе въ Кіевѣ, радовались уничтоженію идоловъ. А другіе кіевляне, еще не крестившіеся, плакали надъ своими разбитыми богами.

Перуна столкнули въ Днѣпръ. Владиміръ приставилъ людей, сказавъ имъ: „если гдѣ онъ подплыветъ къ берегу, вы отталкивайте его". Есть преданіе, будто язычники бѣжали за плывшимъ идоломъ и кричали: „выдыбай, нашъ боже!"—то есть—выплывай. Идолъ въ одномъ мѣстѣ выплылъ на прибрежье. Когда язычники хотѣли взять идола, христіане навязали на него каменья и утопили его въ рѣкѣ. Мѣсто же, гдѣ было идолъ приплылъ къ берегу, прозвано съ того времени Выдибичи или *Выдубичи*. На немъ послѣ выстроенъ выдубицкій Михайловскій монастырь. А дорогу Боричево путище, гдѣ Перуна волокли къ Днѣпру, народъ прозываетъ *чертовымъ путищемъ*, или чертовымъ беремищемъ.

V.

Крещеніе сыновей Владиміра. Судьба Рогнѣды. Крещеніе Кіевлянъ и Новгородцевъ. Распространеніе христіанства въ Руси.

Послѣ уничтоженія идоловъ нужно было обращать кіевскихъ язычниковъ къ христіанству. Владиміръ сначала окрестилъ своихъ сыновей отъ прежнихъ женъ. Теперь, по христіанскому закону, онъ сталъ жить съ одною супругою, Анной. Другихъ женъ всѣхъ оставилъ. Неизвѣстно, что съ ними сталось. Только о Рогнѣдѣ говорили, что она крестилась и постриглась въ монахини подъ именемъ Анастасіи. Сыновей же было у Владиміра двѣнадцать. По преданію и теперь указываютъ въ Кіевѣ мѣсто, гдѣ всѣ они приняли крещеніе. Это мѣсто называется *Крещатикъ*. Изстари здѣсь была поставлена часовня надъ ручьемъ, протекающимъ внутри глубокаго оврага, поросшаго лѣсомъ; изстари же и до нашего времени къ ручью каждогодно, 15-го іюля, бываетъ крестный ходъ изъ Десятинной церкви. Въ 1802-мъ году надъ источникомъ построена каменная часовня, и поставленъ памятникъ съ крестомъ наверху.

Тотчасъ послѣ крещенія сыновей княжескихъ, митрополитъ Михаилъ, пріѣхавшій изъ Греціи и родомъ— говорили — болгарскій славянинъ, и священники, пріѣхавшіе изъ Корсуня, пошли по городу съ проповѣдью. Самъ князь Владиміръ помогалъ имъ: ходя середи народа, поучалъ его новой вѣрѣ. Многіе кіевляне тогда же съ радостію крестились. Другіе только слушали проповѣдь и раздумывали о новой вѣрѣ. Послѣ проповѣди и увѣщаній, Владиміръ послалъ кликать кличъ по всему Кіеву: „кто на другой день не придетъ къ

рѣкѣ, богатъ ли онъ, бѣденъ, или нищъ, работникъ ли тотъ будетъ князю противенъ!“ Многіе изъ народа с радостію слушали это и говорили: „это было бы н добро, еслибъ князь съ боярами не приняли этого“ И вотъ шелъ народъ на призывъ князя. Утромъ Вла димiръ вышелъ съ царицыными и корсунскими священ никами къ рѣкѣ Почайнѣ. Множество народа собра лось туда же. Стали входить кіевляне въ воду, и сто яли въ рѣкѣ, одни по шею, другіе по грудь; дѣти сто яли у самаго берега; многіе возрастные входили в рѣку съ младенцами на рукахъ; а крещеные бродил по рѣкѣ, уча крестившихся, что имъ дѣлать во врем совершенія таинства, и становясь тутъ же ихъ воспрі емниками. Священники же читали, съ берега, молитвы Окрестились кіевляне и стали расходиться, каждый в свой домъ. Владимiръ же молился и радовался. Под нявъ глаза къ небу, онъ говорилъ: „Боже, сотворивші небо и землю! Дай узнать этимъ людямъ Тебя, истин наго Бога... Утверди въ нихъ праведную вѣру; и мн помоги, Господи, побѣждать всякое зло“...—Такъ про изошло крещеніе кіевскаго народа. Есть преданіе, чт иные очень усердные язычники не хотѣли и смотрѣт на крещеніе и бѣжали въ лѣса и степи. Но таких навѣрное было очень немного.—Почайна, гдѣ крести лись кіевляне, соединяется съ Днѣпромъ. Прежде он была большою судоходной рѣкою. Еще при велико княгинѣ Ольгѣ въ Почайнѣ останавливались греческі суда. Нынѣ русло рѣки почти совсѣмъ пересохло; ос тался, вмѣсто нея, маленькій ручеекъ.

Послѣ крещенія кіевлянъ, сыновья Владиміра п разнымъ русскимъ городамъ крестили народъ. Митро политъ Михаилъ съ епископами, съ князевымъ дядей

Крещеніе Кіевлянъ.

Добрынею и съ корсунцемъ Анастасомъ отправились также крестить народъ вверхъ по Днѣпру. Отъ Днѣпра Добрыня прошелъ въ Новгородъ. Здѣсь онъ призвалъ жителей креститься и поставилъ въ самомъ городѣ церковь Преображенья. Потомъ отправился къ городу Ростову (въ нынѣшней Ярославской губерніи). Между тѣмъ въ Новгородъ пріѣхалъ назначенный сюда епископомъ Іоакимъ Корсунецъ. Онъ встрѣтилъ здѣсь народное возмущеніе противъ новой вѣры. Одинъ кудесникъ, именемъ Богомилъ, отговаривалъ народъ отъ крещенія. Кудесникъ такъ хорошо умѣлъ говорить, что народъ прозвалъ его *Соловьемъ*. Іоакимъ сталъ ходить съ проповѣдью по площадямъ и улицамъ на торговой сторонѣ Новгорода. Ему помогалъ уговаривать народъ къ крещенію еще посадникъ Воробей. Нѣсколько сотъ человѣкъ окрестилъ Іоакимъ. Но на другой сторонѣ города, за рѣкою Волховомъ, тысяцкій, то есть воевода городовыхъ полковъ, Угоняй, возмущалъ новгородцевъ. Онъ ѣздилъ на конѣ среди народа и кричалъ: „лучше мы всѣ помремъ, а не дадимъ ругаться надъ своими богами!“ Народъ сжегъ хоромы Добрынины, ограбилъ его жену и родныхъ. Добрыня былъ главнымъ посадникомъ въ Новгородѣ, и семья его жила здѣсь.—Когда Добрыня воротился изъ Ростова, онъ пробовалъ было отговаривать бунтовщиковъ ласковыми словами; но они не послушали его; они разметали мостъ, соединявшій двѣ части города. Потомъ, на берегу, напротивъ торговой стороны, уставили *пороки*. Такъ назывались машины для бросанія камней въ непріятеля. И такъ нельзя было приступиться къ возмутившемуся народу на торговой сторонѣ Новгорода. Только Владиміровъ воевода, Путята, усмирилъ возстаніе. Онъ, ночью, съ

пятью стами воиновъ—всѣ они были ростовцы,—переплылъ Волховъ выше города, и внезапно явился на торговой сторонѣ, гдѣ прекратилъ возмущеніе.

Къ разсвѣту явился здѣсь и самъ Добрыня. Всѣ главные зачинщики возмущенія были схвачены. Домъ Угоняя и нѣсколько другихъ домомъ были сожжены. Потомъ Добрыня велѣлъ жечь идоловъ и бросать ихъ въ воду. Перуна свалили на землю и на веревкахъ стащили въ Волховъ; по дорогѣ пихали и колотили идола палками.—Идолъ, сброшенный въ рѣку, поплылъ за городъ и тамъ гдѣ-то зацѣпился у одного прибрежнаго выступа. Одинъ крестьянинъ рано утромъ вышелъ на рѣку, желая везти горшки въ городъ (новгородцы занимались гончарнымъ и плотничнымъ ремеслами) крестьянинъ увидалъ, что идолъ качается на волнахъ у берега; онъ оттолкнулъ его шестомъ, говоря: „ты Перунъ, до сыта ѣлъ и пилъ, а нынче уплывай прочь“!.. И болванъ поплылъ, неизвѣстно куда... Вотъ значитъ и новгородцамъ инымъ надоѣли идолы... Прежде, въ самомъ дѣлѣ, будто кормили идоловъ жертвами, заколотыми передъ ними. Люди, не совсѣмъ разлюбившіе язычество, правда, нѣсколько времени еще говорили пословицу: „Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ“. Но подобныхъ возмущеній противъ христіанской вѣры больше не было въ Новгородѣ.

Итакъ, вездѣ по Руси стала распространяться вѣра Христова. Вездѣ князь Владиміръ строилъ церкви и назначалъ епископовъ по городамъ. Въ числѣ первыхъ епископовъ, привезенныхъ Владиміромъ изъ Корсуня, иные были урожденцы изъ славянской Болгаріи. Чрезъ немного времени Владиміръ еще вызвалъ въ Русь новыхъ епископовъ, какъ говорили встарину: „болгарянъ,

сущихъ славянъ". Конечно, приходили въ Русь и священники изъ тѣхъ же славянъ. Потомъ, иные изъ греческаго духовенства, пришедшаго въ Русь, могли выучиться славянскому языку. Наконецъ скоро появились священники и епископы, избранные уже изъ русскихъ людей. Значитъ русскіе поучались на понятномъ языкѣ у всего почти этого духовенства. Самая служба церковная стала совершаться въ Руси по славянскимъ книгамъ, то есть по книгамъ переведеннымъ съ греческаго на славянскій языкъ преподобными Кирилломъ и Меѳодіемъ. Итакъ христіанское ученіе дѣлалось болѣе и болѣе понятнымъ для всего русскаго народа. Грамотные изъ русскихъ людей стали сами читать и списывать славянскія книги. Много этихъ книгъ начало переходить къ намъ изъ дунайской Болгаріи; а скоро послѣ княженія Владиміра русскіе люди пошли въ разные греческіе и славянскіе монастыри; тамъ сами списывали или переводили славянскія и греческія книги и посылали ихъ въ Русь.

Правда, что послѣ крещенія кіевлянъ язычество оставалось нѣсколько времени въ другихъ краяхъ, болѣе глухихъ и далекихъ отъ Кіева. Но противъ этого всегда въ то время являлось русское духовенство. Проповѣдники всегда ходили по этимъ краямъ, усердно учили Христовой вѣрѣ и крестили убѣжденныхъ проповѣдью...

VI.

Борьба съ Печенѣгами: строеніе городовъ. Богатыри.

Итакъ, Владиміръ заботился о просвѣщеніи всей Руси Христовою вѣрой. Но его занимала и другая забота. Нужно было защищать Русь отъ дикарей Печенѣговъ.

Еще со временъ Игоря они стали нападать на русску землю и много вредили народу.

Въ наше время въ Харьковской губерніи, близ города Чугуева, при рѣкѣ Донцѣ, есть мѣстечко назва ніемъ: *Печенѣги*. Вотъ только что осталось теперь н память о этихъ дикаряхъ. Они въ самомъ дѣлѣ прохо дили встарину въ этихъ краяхъ и другихъ окрестныхъ Они бродили по крайнему югу нынѣшней Россіи, тогд еще незаселенному. Что же за народъ такой был Печенѣги?

Они вышли изъ Азіи и заняли огромныя земли тысячу двѣсти слишкомъ верстъ надъ Чернымъ и Азо скимъ морями. Къ Дунаю они были смежны съ бо гарскими славянами, проникая въ самую Венгрію, къ Дону съ Хазарами. Къ сѣверу напирали на Рус къ самому южному приморью на Грецію. Отъ русских владѣній считался одинъ день ѣзды до печенѣжских степей. Бывало время, что соберется печенѣговъ восьмисотъ тысячъ человѣкъ, и они бросаются воева Грецію. Нѣсколько греческихъ городовъ (Апрум Редестумъ, Даоніумъ, Аркадіополь и другіе) стали ра валинами послѣ ихъ нашествій. Греки очень боялис ихъ и старались всячески задобривать.

Въ неоглядныхъ степяхъ, гдѣ лишь носится вольн вѣтеръ и шумитъ высокою травою, любили жить Печ нѣги. Они водили тамъ большія стада рогатаго скот овецъ и табуны отличныхъ лошадей. Ихъ скотъ, азіа ской породы, въ то время очень славился; его зак пали у нихъ и Русскіе, и Греки. Конечно у Русских былъ и свой скотъ, кромѣ этого покупнаго.—Печенѣ были кочевой народъ, совсѣмъ неспособный къ земл дѣлію. Жили они въ легкихъ шатрахъ; Русскіе зва

ти шатры *вѣжами.* Вѣжа была круглая, искусно сдѣланная изъ прутьевъ и палокъ. Вверху, посрединѣ, родѣлано окно, чтобы въ него входилъ свѣтъ и ыходилъ дымъ. Огонь разводился на земляномъ полу реди вѣжи. Стѣны и кровля покрывались войлокомъ. На полу, у стѣнъ, тоже стелились войлоки вмѣсто остелей. Подобные шатры, названіемъ кибитки, у ынѣшнихъ киргизъ и калмыковъ. Когда въ одномъ мѣстѣ скотъ стравилъ всю траву, печенѣжскій таборъ азбиралъ свои вѣжи, и съ женами и дѣтьми, со всѣмъ озяйствомъ, перекочевывалъ на новое мѣсто. Городовъ у Печенѣговъ не было. Сами они дѣлились на отряды, и каждый отрядъ, или орда, бродилъ отдѣльно. У нихъ тоже бывали свои князья, предводители отрядовъ. Только для войны разные отряды собирались мѣстѣ, и порой въ большомъ числѣ. Тогда отряды ыбирали одного изъ окружныхъ князей главнымъ своимъ начальникомъ. И съ нимъ совѣщались остальные нязья.

Печенѣги были язычники и отличались грубыми обыаями. Пили звѣриную кровь, ѣли лошадиное, лисье, олчье и кошачье мяса. Русскіе называли ихъ „сыродцами". Женщины печенѣжскія вмѣшивались въ войну, ахватывали своихъ враговъ желѣзными крючьями и таскивали въ плѣнъ. Главнымъ занятіемъ Печенѣговъ были грабежи да войны; ради того, чтобы пограбить, они ходили помогать въ войнѣ то русскимъ, то грекамъ. Миръ съ ними былъ ненадеженъ.

Умѣя ловко пускать стрѣлы изъ лука, метать копья, правлять сѣкирою (родъ топора) и огромною саблей, они на своихъ быстрыхъ коняхъ счастливо воевали въ открытомъ полѣ. Печенѣги отлично ѣздили верхомъ.

Для переправы чрезъ рѣку, Печенѣгъ садился на кож
ный мѣшокъ, набитый соломою, и такъ плылъ за св
имъ конемъ, держась за его хвостъ. Иногда же пря
верхомъ на конѣ бросался въ воду, даже съ высока
берега; и крѣпкій конь выручалъ своего сѣдока. Нап
дать печенѣги старались врасплохъ; при неудачѣ
умчатся вразсыпную на своихъ коняхъ, какъ вѣтер
Печенѣги были такъ жадны, что забывали ради гр
бежа всякую опасность. Случалось, что отнимутъ они
своихъ враговъ вино или медъ и тутъ же всѣ напьют
до разслабленія, а враги тотчасъ же воротятся, и бе
всякаго труда бьютъ и забираютъ въ плѣнъ пьяны
дикарей.—Много доставалось отъ Печенѣговъ купцам
или по старинному названію: *гостямъ*, особенно
днѣпровскихъ порогахъ.

Здѣсь можно было Печенѣгамъ захватывать се
богатую поживу. Изъ Царяграда и Корсуня привоз
лись въ Русь ленты и пояса, парча, драгоцѣнныя од
жды, бахрома, перецъ, пурпуровыя кожи, вина, разн
плоды, сафьянъ, мраморъ, краски, деревянное масл
сукна, церковная утварь, дорогое оружіе и шелковы
матеріи. Послѣднія тогда назывались у русскихъ *па
локами*. Въ Кіевѣ былъ складъ этихъ товаровъ. Кро
продажи въ Кіевѣ, они отсюда вывозились въ Новг
родъ, и дальше на сѣверозападъ—за море. Изъ Ру
же шли въ Грецію дорогія мѣха, воскъ, медъ и дру
товары, иные съ сѣвера—изъ-за моря —чрезъ Новгоро
тоже въ Кіевъ. Въ Цареградѣ русскіе горноста
соболи и бобры шли на опушку и подбой къ самы
щегольскимъ греческимъ платьямъ.—Вотъ какъ ходи
гости по Днѣпру въ Грецію, и вотъ гдѣ на нихъ нап
дали печенѣги.

Къ веснѣ съѣзжались гости изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и другихъ городовъ. Они покупали лодки у жителей приднѣпровскихъ; эти лодки, однодеревки, вырубались обыкновенно еще зимою, а весной пригонялись къ Кіеву.—Были также у русскихъ и „корабли“; такъ звались большія лодки, вмѣщавшія въ себѣ отъ сорока до шестидесяти человѣкъ.—Въ апрѣлѣ русскіе снаряжали эти лодки для плаванія и нагружали товарами. На сорокъ четвертой верстѣ ниже Кіева, у стоявшаго на правомъ днѣпровскомъ берегу города Витичева (теперь его нѣтъ), русскій флотъ весь собирался. Отсюда русскіе гости всѣ вмѣстѣ плыли полою водою внизъ по Днѣпру. Послѣ нынѣшняго города Екатеринославля (тогда этотъ городъ еще не существовалъ) нужно было проплывать черезъ днѣпровскіе пороги. Они торчатъ по рѣкѣ на длинѣ шестидесяти верстъ. Подобно дверным порогамъ, они лежатъ поперегъ всей рѣки. Пороги состоятъ изъ цѣлой полосы камней. Эти камни то находятся въ небольшой глубинѣ подъ водою, то выпираютъ изъ воды наружу. Между камнями есть промежутки, и черезъ нихъ клокочетъ рѣка, шумно и быстро пробивая себѣ дорогу; на иныхъ порогахъ она еще падаетъ уступами сверху внизъ. Всѣхъ главныхъ пороговъ девять, но есть между главными и другіе меньшіе. Много надо умѣнья и силы, чтобы проводить нынѣшнимъ *лоцманамъ* (такъ называются проводники, что правятъ рулемъ) барки и другія суда между этими камнями, хотя нынче въ опасныхъ мѣстахъ устроены каналы. Еще труднѣе было нашимъ предкамъ сберегать въ этихъ мѣстахъ свои небольшія лодки, нагруженныя товаромъ, чтобы ихъ не разметало и не потопило. У одного же порога *Неясыть*, по

нынѣшнему: Неясытскаго или Ненасытецкаго, гости должны были останавливаться. Черезъ него никакъ нельзя было переплыть ихъ лодкамъ. При концѣ его, среди рѣки, пучина съ водоворотомъ, по старинному *вырью* или *вихромъ*. И нынѣ она называется: пучина—*пекло*, то есть адъ. По быстрому теченію рѣки какъ разъ можно попасть въ эту пучину и погибнуть. Судно забросить въ пучину и потомъ разобьетъ о камни.—Гости выходили изъ лодокъ и должны были идти берегомъ цѣлые шесть тысячъ шаговъ. Здѣсь слѣдовало всегда быть настороже отъ Печенѣговъ. Здѣсь они всегда нападали на людей, занятыхъ волокомъ лодокъ и переноскою товаровъ. Если здѣсь гости отобьются отъ разбойниковъ, то дальше вновь опасность. Гости подвигались къ другому порогу *Вольный прагъ*, по нынѣшнему: Волнигъ. Здѣсь по огромнымъ валунамъ, то есть круглымъ камнямъ-булыжникамъ, Днѣпръ свирѣпо бурлитъ; вода его ерошится словно огромными кудрями. Опасно между этихъ камней плаваніе; но еще опаснѣе былъ слѣдующій въ семи верстахъ за порогомъ островъ, по нынѣшнему прозванію: *Таволжанскій*. Въ длину онъ около двухъ тысячъ шаговъ и въ ширину сто пятьдесятъ шаговъ; весь состоитъ изъ одной твердой скалы, съ наносной землею; на немъ растетъ много корму, цѣлебнаго для лошадей. Здѣсь любили останавливаться съ своими конями Печенѣги. Отсюда они старались грабить проходившія купеческія лодки.—За послѣднимъ порогомъ *Вильнымъ*, около мыса, по старинному названію: Крарійскаго, въ третій разъ приходилось гостямъ отбиваться отъ Печенѣговъ. Днѣпръ быстро несется здѣсь узкимъ и глубокимъ проходомъ, имѣющимъ всего сто пятьдесятъ сажень ширины между

отвѣсными утесами. Теперь около этого мыса селеніе Кичкасъ съ пристанью.—Гости избавлялись отъ Печенѣговъ, только приставши къ острову, что теперь зовется *Хортица*—на семьдесятъ третьей верстѣ отъ нынѣшняго Екатеринославля. На этомъ большомъ и съ гранитными берегами высокомъ островѣ гости благодарили Бога за избавленіе отъ враговъ и отдыхали. За этимъ островомъ Днѣпръ льется расширяясь иногда въ цѣлую версту, а низкіе берега рѣки до самаго устья поросли густыми высокими камышами. И малымъ лодкамъ нашихъ предковъ легче было здѣсь укрываться отъ печенѣговъ, рыскавшихъ вдоль берега. Дальше же было Черное море: и гости на своихъ однодеревкахъ, держась около его береговъ, достигали Царяграда.—Вотъ сколько трудовъ и опасностей нужно было переносить нашимъ умнымъ и смѣлымъ предкамъ, чтобы вести торговлю съ Греціею!

Торговые люди, чтобы избавляться отъ печенѣжскихъ грабежей, часто нанимали себѣ проводниковъ изъ печенѣговъ же. Платили имъ за проводы очень дорого. Но и тѣмъ не всегда избавлялись отъ опасности. Печенѣжскіе отряды кочевали въ разбродъ одинъ отъ другаго; каждый отрядъ жилъ по своей волѣ; въ одно время, напримѣръ, одна часть Печенѣговъ оказывала дружбу русскимъ, другая же грабила Русь.—Трудно было жить Руси съ такими страшными сосѣдями. Всѣ окраины печенѣжскихъ владѣній были пустыя земли; житель кіевской Руси почти никогда не могъ вѣрно знать, гдѣ бродятъ хищники, куда сдѣлаютъ нападеніе... Вдругъ ночью врывались они въ какое нибудь селеніе; зажигали дворы и при заревѣ пожара грабили, убивали и полонили людей; затѣмъ безвѣстно пропадали въ своей

безмолвной пустынѣ... То, собравшись цѣлымъ полчищемъ, вдругъ подступали къ какому нибудь городу, даже къ стѣнамъ Кіева.

Но русскій народъ безпрестанно боролся съ Печенѣгами и особенно воевалъ съ ними при князѣ Владимірѣ.

На войнѣ порой доставалось и самой дружинѣ княжеской отъ Печенѣговъ. Разъ они подступили къ городу Василеву, построенному при рѣкѣ Стугнѣ, правомъ притокѣ Днѣпра. Теперь это городъ Васильковъ, Кіевской губерніи. Владиміръ основалъ Василевъ въ память о своемъ крещеніи въ Корсунѣ, когда былъ нареченъ Василіемъ.—Печенѣги обступили городъ; Владиміръ поспѣшно вышелъ противъ нихъ съ небольшой дружиною. Произошла жестокая сѣча, и дружинники были побиты. Самъ князь едва успѣлъ сбѣжать къ рѣкѣ; тамъ, незамѣченный врагами, простоялъ подъ мостомъ, чѣмъ и спасъ свою жизнь. Въ память своего избавленія онъ поставилъ въ Василевѣ церковь Преображенія: въ самый этотъ праздникъ и происходила сѣча. По освященіи церкви князь сдѣлалъ народу пиръ на восемь дней и роздалъ триста гривенъ (почти триста фунтовъ серебра) убогимъ.

Чтобы лучше оберегать русскую землю отъ печенѣжскихъ нашествій, Владиміръ ставилъ новые города у краевъ кіевской Руси. Городъ тогда старались строить больше на высокомъ, холмистомъ берегу рѣки. Дома были бревенчатые, а весь городъ огороженъ вокругъ деревянною стѣною, землянымъ валомъ и рвомъ. За рвомъ городъ широко обводился еще крѣпкимъ частоколомъ. А за нимъ были сторожевые курганы, откуда далеко видно въ степь. Внутри большихъ городовъ устраивали еще крѣпость, по старинному: дѣтинецъ или кремль. Управляли городами княжіе дружинники или

ужи. —Владимiръ сказалъ: „не хорошо, что городовъ
ало около Кiева“, и настроилъ городовъ по рѣкамъ:
Деснѣ (Десна, выходя въ нынѣшней смоленской губер-
iи, протекаетъ орловскую, и въ черниговской сливается
ъ Днѣпромъ); *Остру* (Остеръ течетъ по смоленской
уберніи и въ черниговской впадаетъ въ Десну); *Сулѣ*
Сула вытекаетъ въ харьковской губерніи и въ полтав-
кой соединяется съ Днѣпромъ); *Трубежу* (въ полтавской
уберніи), и *Стугнѣ* (въ кіевской губерніи). Изъ сѣвер-
ой Руси, куда не заходили Печенѣги и гдѣ было много
аселенія, Владимiръ призывалъ лучшихъ и храбрыхъ
ужей поселяться въ этихъ городахъ *украинныхъ*. Здѣсь,
а Украйнѣ, было привольно новымъ поселенцамъ. Всякій
ыбиралъ себѣ любое свободное мѣсто для работы по
мѣнью и по средствамъ: то воздѣлывалъ землю около
орода, пахалъ пашню, или разводилъ огороды, а земля
ь Украйнѣ отличная; то ходилъ въ лѣсъ для звѣриныхъ
ромысловъ; а и лѣса были въ Украйнѣ; то охотился
о полямъ и болотамъ за разною дичью, или же по рѣ-
амъ и озерамъ ловилъ рыбу; то занимался бортниче-
твомъ, то есть водилъ пчелъ, становился бортникомъ;
ортью называется пустота, выдолбленная въ стоячемъ
еревѣ для помѣщенія пчелъ; пчельники и пасѣки тогда
ывали больше въ лѣсу, гдѣ водилось много дикихъ
челъ; то занимался въ городѣ какимъ ремесломъ; или
е торговалъ своими и скупленными вещами. Потому
ь городахъ жили всякіе люди: и земледѣльцы, и купцы,
другіе. Иной выходилъ изъ города, строилъ на вновь
ыбранномъ мѣстѣ одинъ дворъ, гдѣ и заживалъ въ оди-
очку съ своимъ семействомъ; другой соглашался съ
ѣсколькими, и они выстраивали цѣлую деревню; въ ней
ародъ жилъ, какъ и теперь, общиной или мiромъ. Вы-

селенцы называли свое новое селеніе выселкомъ, а т
и починкомъ, гдѣ они *почали* обработывать новую землю
Такъ застраивались и наполнялись народомъ окраин
южной Руси. — Новые поселенцы, украинцы, должн
были оказывать себя и особенно храбрыми воинам
Когда нужно отразить Печенѣговъ, горожане и сельчан
брались за оружіе: или шли помогать княжой дружинѣ
изъ горожанъ составлялись полки, дѣлившіеся на десятк
и сотни ратниковъ; начальствовали въ такихъ пол
кахъ десятники и сотники; главнымъ же воеводою над
ними былъ тысяцкій; сельчане шли въ походъ съ сво
ими старостами. Иногда Печенѣги нападали, а дружин
не являлась: поселенцы сами съ ними бьются; или о
сиживаются отъ нихъ, запершись въ городѣ, оборон
ясь оттуда. Въ городъ сбѣгались въ это время и жите
пригородныхъ селъ и деревень. Но лишь только Пече
нѣги ушли, русскіе опять шли каждый въ свое мѣст
брались каждый за свою работу. Такъ города, построе
ные княземъ Владиміромъ, оберегали кіевскую Русь от
Печенѣговъ. Жители ихъ привыкали къ своей жизн
сдѣлались храбрецами, привычными къ борьбѣ съ Пече
нѣгами. А съ этими городами и владѣнія русскія увел
чивались.

Печенѣгамъ труднѣе становилось грабить русску
землю. Но все-таки удавалось имъ прорываться меж
новыхъ городовъ, жечь русскія селенья. Русскимъ нуж
было постоянно сторожить Печенѣговъ, пробиратьс
въ самыя ихъ степи, стараться не допускать за русску
межу. Нашлись и такіе люди у нашихъ предковъ. Эт
богатыри, всю жизнь положившіе на битвы съ дики
кочевниками. Это на всю жизнь воины, по своей доб
рой волѣ оберегавшіе русскую землю отъ недруговъ

Безпрестанно бродили они по окрайнамъ степей русскихъ; не уставая, сторожили, не пробирается ли какой врагъ на русскую землю. И весело было имъ „размять свое плечо богатырское“ при встрѣчѣ съ противникомъ! Любили богатыри приволье степей южныхъ! Искали гдѣ бы показать свою удаль молодецкую. Въ этихъ степяхъ богатырь съ своимъ конемъ и дневалъ, и ночевалъ; иногда только являлся онъ въ Кіевѣ, въ терему княжескомъ. Богатыри нагоняли страхъ на Печенѣговъ; они стали грозою для всякаго недруга Руси. За ихъ защитою спокойнѣе жилось русскимъ людямъ на южныхъ границахъ. Разъ пришли было Печенѣги на Бѣлгородъ; а Владиміръ послалъ на нихъ войско съ богатырями— Александромъ Поповичемъ, да Яномъ Усмошвецомъ: Печенѣги заслышали, кто идетъ противъ нихъ и убѣжали въ свои степи! — Богатыри владѣли страшною силою; народъ говорилъ про богатыря: „у него силушка по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается!„ Богатырей было немного, но каждый изъ нихъ стоилъ многихъ; есть преданіе, что богатырь Рогдай Удалый не боялся одинъ выходить въ битву противъ трехъ сотъ Печенѣговъ. Когда Рогдай умеръ, Владиміръ съ честью похоронилъ его въ Кіевѣ и много о немъ плакалъ.—Богатыри братались между собою, становились „братьями названными;“ такіе побратимы клялись между собой всегда и вездѣ быть неразлучными, вѣрными другъ другу, помогать одинъ другому. Янъ Усмошвецъ и Александръ Поповичъ дружно бились съ Печенѣгами. Разъ они вдвоемъ убили множество ихъ, взяли въ плѣнъ и привели въ Кіевъ къ Владиміру печенѣжскаго князя Родмана съ тремя его сыновьями.—Богатыри разъѣзжали вмѣстѣ и цѣлою дружиною, по семи и больше человѣкъ. Выѣдутъ

они во вражьи степи, раскинутъ шатеръ полотняный где нибудь и стоятъ здѣсь своею богатырскою заставою, сторожатъ врага. Самый сильный изъ нихъ выбирается старшимъ надъ остальными; и ни конному, ни пѣшему врагу не пройти около той богатырской заставы!—А то и въ разбродъ объѣзжали богатыри самыя опасныя мѣста на границахъ Руси. Кромѣ названныхъ богатырей были еще Мальфредъ Сильный, Андрихъ Добрянковъ и другіе. По преданію, всѣхъ богатырей было тридцать семь при князѣ Владимірѣ.

И въ наше время въ русскомъ народѣ сохранились пѣсни о богатыряхъ: Добрынѣ, Дюкѣ, Потанюшкѣ Хроменькомъ, Алешѣ Поповичѣ, Дунаѣ, Потыкѣ, Данилѣ и другихъ, а особенно объ Ильѣ Муромцѣ. Былъ онъ сынъ крестьянина изъ подъ города Мурома; безъ нужды никого не обижалъ, за то всякому врагу Руси былъ грозенъ.—Можетъ быть, въ пѣсняхъ имена богатырей уже не тѣ, какія были на самомъ дѣлѣ; давно вѣдь миновало время князя Владиміра; можетъ, многое въ пѣсняхъ и прикрашено... Но то вѣрно въ этихъ пѣсняхъ, что сильные богатыри оберегали русскую землю при князѣ Владимірѣ, что они крѣпко любили русскій народъ; и народъ изъ такой же любви къ богатырямъ сложилъ про нихъ свои пѣсни, несовсѣмъ забытыя вотъ уже черезъ девятьсотъ лѣтъ.

Печенѣги опасались богатырей и горожанъ, занявшихъ новые Владиміровы города; потому все меньше и меньше могли дѣлать вреда Руси. Они даже не сладили взять ни одного русскаго города. А въ Греціи, напротивъ, какъ уже извѣстно. Въ Греціи они врываются въ большой и богатый городъ Андріанополь (онъ и теперь есть на западѣ отъ Константинополя) и по

чти половину его выжигають. Печенѣги видѣли, что Русь, принявъ крещеніе, стала для нихъ еще сильнѣе. Крещеная Русь стала привлекать къ себѣ и самихъ Печенѣговъ. Такъ одинъ печенѣжскій князь Кучюгъ пришелъ въ Кіевъ, принялъ крещеніе и отъ чистаго сердца сталъ усердно служить князю Владиміру; много помогалъ Владиміру въ войнахъ; Владиміръ и всѣ его дружинники очень почитали и любили Кучюга. Несомнѣнно, были и другіе Печенѣги, переходившіе жить въ Русь: надоѣдали имъ грабежи да кочевье; хотѣлось основаться осѣдлою жизнью среди русскихъ, начавшихъ жить по христіанскому закону.

VII.

Войны Владиміра и миръ съ другими народами. Иноземцы католики приходятъ въ Кіевъ. Строеніе церквей. Духовенство. Дружина. Теремъ и гридница. Пиры Владиміра. Угощеніе бѣдныхъ людей.

Князь Владиміръ сперва сталъ извѣстенъ иноземнымъ народамъ своими воинскими походами. Онъ много дѣлалъ ихъ особенно до своего крещенія; нѣсколько войнъ было у него и въ первое время послѣ крещенія. Онъ проходилъ воевать къ дунайскимъ Болгарамъ, помогая противъ нихъ греческимъ царямъ, своимъ новымъ родственникамъ по супругѣ; проходилъ и къ дунайскимъ Сербамъ; и къ славянамъ Бѣлохорватамъ, у Карпатскихъ горъ на границахъ нынѣшней Галиціи и Буковины; воевалъ не одинъ разъ съ камскими Болгарами и наконецъ заключилъ съ ними миръ; по ихъ просьбѣ Владиміръ дозволилъ имъ торговать въ русскихъ городахъ и далъ для того болгарскимъ купцамъ пропускныя печати;

а русскіе купцы съ такими же печатями отъ своихъ городовыхъ посадниковъ могли торговать въ болгарскихъ городахъ. Еще воевалъ Владиміръ съ дикимъ народомъ Ятвягами и наложилъ на нихъ дань. Ятвяги жили въ частяхъ нынѣшней курляндской, виленской, гродненской и сувалкской губерній. Одинъ изъ дружинниковъ Владиміра проходилъ собирать дань и къ Эстамъ въ нынѣшней эстляндской губерніи. Но особенно воевалъ Владиміръ съ Поляками: онъ прошелъ до самой середины владѣній польскаго князя Мечислава, до рѣки Вислы, протекающей по нынѣшнимъ русско-польскимъ губерніямъ. Онъ отнялъ восточныя владѣнія у Поляковъ и занялъ города: Червенъ, Перемышль и другіе. Остатки Червена и теперь видны въ селѣ *Чермо* на югъ отъ мѣстечка Уханей или Ушани въ юговосточномъ краю нынѣшней люблинской губерніи. А городъ Перемышль и теперь въ Галицкой Руси, на западъ отъ города Львова, или по нѣмецкому: Лемберга. Галицкая Русь, нынѣ Галиція, это издавна русскій край, въ ней живутъ наши земляки русскіе; а пока забрали ее подъ свою власть нѣмцы, австрійцы. Но Владиміръ собственно воротилъ галицкую Русь отъ Поляковъ, потому что еще прежде князь Олегъ владѣлъ ею; и Поляки только было ее *перехватили* у Русскихъ. Также въ землѣ, возвращенной отъ Поляковъ, Владиміръ построилъ городъ и назвалъ его, въ память о своемъ имени, Владиміромъ. Это *Владиміръ-Волынскій*, въ нынѣшней волынской губерніи. Кажется, разъ помогалъ Владиміръ и славянамъ чешскимъ противъ Поляковъ: Поляки боялись Владиміра и думали, что онъ хотѣлъ завоевать всѣхъ славянъ, чтобы стать всеславянскимъ царемъ. Но, по словамъ нашихъ предковъ, онъ воевалъ съ польскимъ княземъ: „за многія его противности“.

Послѣднее время своей жизни Владимiръ жилъ въ мирѣ съ другими народами, кромѣ Печенѣговъ. Изъ Чехiи или Богемiи отъ короля Ольдриха, также изъ Венгрiи отъ короля Стефана, посылались не разъ ко Владимiру мирныя посольства. Къ этимъ королямъ ходили конечно и Владимiровы мирные послы. Польскiй король Болеславъ, сынъ Мечислава, даже отдалъ свою дочь замужъ за старшаго Владимiрова сына, Святополка. Дунайская Болгарiя и Грецiя мирно торговали съ Русью: купцы изъ этихъ странъ часто наѣзжали къ нашимъ предкамъ; также наѣзжали въ Кiевъ и варяги изъ тогдашней Скандинавiи, то есть нынѣшнихъ Швецiи и Норвегiи; наѣзжали и нѣмцы, и разные славяне. Есть преданiе, что Владимiръ посылалъ выборныхъ русскихъ людей въ далекiя чужiя земли присматриваться, какими обычаями живутъ разные народы.

Такъ расходилась далеко, во всѣ края тогдашняго свѣта, молва о православномъ русскомъ государствѣ князя Владимiра. И вотъ приходитъ въ Кiевъ одинъ нѣмецкiй епископъ, Брунъ. Это былъ человѣкъ знатнаго рода, очень ученый; онъ сперва жилъ при дворѣ нѣмецкаго императора. Онъ странствовалъ, то съ своимъ государемъ по Италiи, то одинъ въ Польшѣ и Венгрiи; онъ узналъ въ Венгрiи, что за народъ Печенѣги и захотѣлъ идти къ нимъ черезъ Кiевъ, проповѣдывать Евангелiе. Послѣ онъ послалъ разсказъ своему императору, что прiѣхалъ къ Владимiру „государю Руссовъ, великому богатствомъ и владѣнiями“. Онъ разсказывалъ дальше: „русскiй государь цѣлый мѣсяцъ удерживалъ меня, старался убѣдить, чтобы я не шелъ къ такому неразумному народу, какъ Печенѣги. Онъ говорилъ мнѣ, что я только найду себѣ тамъ постыдную

смерть. Но я таки рѣшился идти". Потомъ Брунъ разсказываетъ, что самъ Владимiръ провожалъ его со своими мужами изъ Кiева, что два дня шли они до послѣдней границы русской земли; что Владимiръ слѣзъ съ коня и шелъ со своими мужами, а онъ, Брунъ, впереди шелъ съ своими товарищами; что на границахъ Руси Брунъ видѣлъ укрѣпленiя русскiя, что наконецъ они „вышли за ворота сторожевой ограды" или частокола (должно быть какого нибудь украиннаго города). Брунъ говоритъ: „князь сталъ на одномъ холмѣ (вѣрно сторожевомъ курганѣ), мы стали на другомъ. Обнимая крестъ руками, я пѣлъ изъ Евангелiя: *Симонъ Iонинъ, любиши ли мя... паси овцы моя!* Когда я кончилъ пѣть, князь послалъ своего мужа сказать намъ: „я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя земля, начинается непрiятельская. Ради Бога, прошу тебя не погубить, къ моему безчестiю, жизнь свою понапрасну. Завтра въ третьемъ часу ты можешь безъ пользы принять горькую смерть". Я послалъ отвѣтъ: „да откроетъ тебѣ Богъ рай, какъ ты открылъ намъ путь къ язычникамъ". И что же? по разсказу Бруна, онъ съ товарищами цѣлыхъ два дня шелъ въ пустынной степи, и шли они никѣмъ невредимы; но на третiй день, ихъ схватили встрѣчные Печенѣги, и нѣмцы были отведены въ самое большое кочевье. Пришли они туда съ согбенными шеями въ воскресенье. Брунъ говоритъ: „насъ оставили жить, пока черезъ скорыхъ вѣстниковъ будетъ созванъ весь народъ на собранiе. Итакъ, въ другое воскресенье, въ девятомъ часу, зовутъ насъ передъ собранiе, бьютъ насъ самихъ и коней нашихъ; бросается на насъ многочисленная толпа *съ кровавыми глазами* и поднимаетъ страшный вопль; тысячью сѣкиръ,

тысячью обнаженныхъ сабель угрожаютъ они изрубить насъ. Мучили насъ до ночи, увлекали въ разныя стороны; наконецъ старшины земли силою вытащили насъ изъ ихъ рукъ“. По разсказу Бруна, князья или старшины печенѣжскіе, узнавъ, что нужно нѣмцамъ, дозволили имъ пожить между народа, а народу запретили обижать нѣмцевъ. Пять мѣсяцевъ нѣмцы провели въ печенѣжскихъ кочевьяхъ, ходили по обѣ стороны Днѣпра, успѣли окрестить только около тридцати дикарей, и воротились въ Кіевъ. Брунъ говоритъ о Печенѣгахъ: „и водворился христіанскій законъ среди самаго дурнаго и жестокаго изъ всѣхъ языческихъ народовъ, какіе существуютъ на землѣ“....

Вотъ какъ гостепріименъ и ласковъ съ иноземцами былъ князь Владиміръ! Онъ не хотѣлъ пускать Бруна къ Печенѣгамъ, боясь, что нѣмца тамъ убьютъ. А это было бы для князя великимъ безчестьемъ. Встарину всякій русскій хозяинъ заботился оберегать отъ всякой опасности того, кто пришелъ бы къ нему погостить.— Но видно, проповѣдь нѣмцевъ ничего не сдѣлала между Печенѣгами; эти дикари все-таки оставались язычниками. И ничего не слышно, чтобы у нихъ послѣ было хоть немного христіанъ и чтобы между этими христіанами жило нѣмецкое духовенство. Извѣстно напротивъ, что иные князья печенѣжскіе и также изъ камскихъ Болгаръ переходили жить въ Русь и принимали крещеніе. А въ Кіевѣ католики нѣмцы еще меньше могли сдѣлать: православные не слушали ихъ проповѣди. Извѣстно, что съ польской королевной, невѣстой Святополка, прибылъ въ Кіевъ католическій епископъ, Рейнбернъ. Онъ пытался было возмутить Святополка, сына Владиміра, противъ отца; а когда Святополкъ, прогнавъ отца, самъ

сталъ бы княземъ, тогда черезъ него Рейнбернъ хотѣлъ вводить въ Руси католичество и такъ подчинить русскую церковь папѣ. Но такой замыслъ не удался Рейнберну. — Есть также преданіе, что самъ римскій папа присылалъ своихъ пословъ ко Владиміру, и потомъ Владиміръ посылалъ своихъ въ Римъ. Но цареградскій патріархъ убѣдилъ Владиміра не ссылаться больше съ папой, въ то время уже отступникомъ отъ православной восточной Церкви.—Въ самомъ дѣлѣ, римскій папа тогда уже воображалъ себя главою цѣлаго свѣта. Онъ думалъ, что онъ не только церковный начальникъ, но и царь надъ всѣми князьями и королями. Папы хотѣли вездѣ вводить свою католическую латинскую вѣру; хотѣли черезъ своихъ латинскихъ епископовъ и священниковъ управлять самими государями и ихъ землями, чтобы собирать себѣ такимъ путемъ больше богатствъ; а до самаго христіанскаго просвѣщенія народа имъ почти и нужды не было... И папамъ удавалось тогда вводить свою латинскую вѣру у славянъ моравскихъ, чешскихъ и польскихъ; только у славянъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ оставалась православная вѣра съ славянскимъ богослуженіемъ: и доселѣ сохраняется такъ, какъ еще проповѣдывали ее преподобные Кириллъ и Меѳодій.

И такъ, благодаря Бога, Русь избавилась отъ подчиненія латинянамъ. Но русскіе никогда не чуждались ихъ, считали ихъ христіанами. Только не хотѣли принимать ихъ вѣру.—Князь Владиміръ старался утверждать православную вѣру въ народѣ, принятую изъ Греціи. Вездѣ по Руси были разосланы княземъ епископы: въ Черниговъ, Ростовъ, Бѣлгородъ и другіе города. Нужно было, кромѣ того, разсылать священниковъ по горо-

дамъ и селамъ, и строить церкви. Надъ всѣмъ духовенствомъ русскимъ сталъ управителемъ митрополитъ кіевскій: сперва Михаилъ, а по его смерти Леонтій, присланный отъ патріарха изъ Царяграда по просьбѣ Владиміра. Кіевскій митрополитъ управлялъ не всегда по одной своей волѣ: онъ въ важныхъ случаяхъ созывалъ соборъ епископовъ и съ ними совѣтовался.

Много заботился князь Владиміръ о построеніи церквей; для того онъ вызвалъ изъ Греціи каменьщиковъ или по старинному: „каменосѣчцевъ и созидателей палатъ каменныхъ“; и русскіе каменьщики были, но ихъ было немного; русскихъ рабочихъ недоставало для постройки многихъ церквей; къ тому-же греческіе каменьщики были искуснѣе и могли поучить русскихъ. Съ каменьщиками прибыли изъ Греціи другіе разные мастера, чтобы украшать новыя постройки. Владиміръ велѣлъ поставить храмъ во имя великомученика Ѳеодора Тирона на мѣстѣ крещенія кіевлянъ, у рѣки Почайны; теперь здѣсь, вмѣсто этого храма, стоитъ церковь Рождества Христова. На мѣстѣ мученической кончины варяговъ Владиміръ заложилъ каменную церковь Рождества Богородицы. Церковь строилась восемь лѣтъ, и вышла великолѣпная. Владиміръ отдалъ въ нее всѣ иконы, сосуды и украшенія церковныя, привезенныя изъ Корсуня. А священникомъ въ ней назначилъ Анастаса Корсунца. Для поддержанія красоты церковной въ этомъ храмѣ Владиміръ назначилъ на каждый годъ десятую часть доходовъ изъ пошлинъ, шедшихъ князю съ каждаго торга народнаго; еще изъ урожаевъ хлѣба на княжескихъ поляхъ и отъ княжескихъ стадъ и домовъ тоже десятую часть доходовъ. Потому церковь названа была *Десятинною*. По освященіи церкви Владиміръ про-

изнесъ въ ней: „Господи Боже, призри съ небесъ на людей твоихъ! Если кто помолится въ церкви сей, исполни молитву его ради Пречистой Богородицы“! Въ эту церковь приказалъ Владиміръ перенести останки своей бабушки, Ольги; въ ней же былъ погребенъ митрополитъ Михаилъ. На мѣстѣ этой церкви теперь новый соборный Десятинный храмъ, выстроенный въ тысяча восемьсотъ сорокъ второмъ году.—Есть преданіе, что на старокіевской возвышенности митрополитъ Михаилъ построилъ церковь во имя Архистратига Михаила. Тутъ же, у церкви, митрополитъ построилъ обитель для иноковъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Греціи. Такъ было положено начало Михайловской обители, первому монастырю въ Руси. Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ большой Златоверхій Михайловскій монастырь.—На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, Владиміръ поставилъ каменную церковь во имя святаго Василія. И много еще было настроено церквей въ Кіевѣ по приказанію Владиміра. Одинъ нѣмецъ писалъ въ то время, что въ Кіевѣ всѣхъ триста церквей; другой писалъ тоже самое; а третій расхваливалъ своимъ современникамъ и сродичамъ весь городъ Кіевъ; онъ писалъ, что Кіевъ похожъ на Царьградъ, славившійся тогда вездѣ своей красотою; что въ Кіевѣ множество церквей и восемь торговъ или рынковъ.... Значитъ, Владиміръ украшалъ Кіевъ кромѣ церквей и другими зданіями и постройками.

Но великій князь ставилъ и въ другихъ городахъ каменныя и деревянныя церкви. Такъ въ Ростовѣ была выстроена дубовая церковь. Предки наши говорили о ней, что она „такая чудесная, какой не бывало и не будетъ!“—Въ Переяславлѣ была построена каменная

церковь Воздвиженія Честнаго Креста. На западъ въ землю Червенскую—такъ называлась тогда теперешняя Галиція—Владиміръ самъ ходилъ съ епископами; училъ и крестилъ тамъ людей, и во Владимірѣ городѣ построилъ церковь Богородицы.—Много строилось тогда церквей и по селамъ; иной разъ спѣшно строилась деревянная церковь мѣсяца въ два; крыша обивалась у ней оловянными или свинцовыми листами, даже въ четыре дня умѣли строить церковь; такія, въ нѣсколько дней поставленныя, церкви стали называться послѣ у нашихъ предковъ *обыденными*.

Отрадно было трудиться Владиміру для добра русской земли; но много и трудовъ у него было. Между своихъ трудовъ князь отдыхалъ въ своемъ терему съ дружинниками. Очень любилъ онъ свою дружину. Съ нею думалъ думу объ устройствѣ земли, о войнахъ, о земскомъ уставѣ. Она ему очень помогала своими совѣтами. Потомъ, въ дружинѣ Владиміровой собирались люди изъ всего русскаго народа: кто особенно хорошо умѣлъ служить русской землѣ и князю, оказалъ себя храбрымъ, сильнымъ и разумнымъ человѣкомъ, тому легко было сдѣлаться дружинникомъ за его умъ и храбрость. Простаго кожевника Яна Усмошвеца и его отца Владиміръ самъ сдѣлалъ великими мужами—своими дружинниками. Иные дружинники были и богатырями, сами объѣзжали концы земли русской, служа свою богатырскую службу. Были у Владиміра дружинниками и варяги, напримѣръ богатый Сигурдъ и другіе. Были и другіе иноплеменники: въ пѣсняхъ извѣстенъ Дюкъ храбрецъ, *Дюкъ*—это имя не славянское. Были и прочіе славяне: въ пѣсняхъ извѣстенъ Дунай Ивановичъ; по самому имени выходитъ, что онъ родомъ изъ дунайскихъ славянъ.

Самое слово *дружина* показываетъ, что дружинники составляли *дружный* кружокъ изъ себя. Князь былъ особенно друженъ со *старшими* дружинниками, опытными, разумными слугами, отважными и сильными. Еще были *младшiе* дружинники: это *отроки, дѣтскiе, мечники, гриди* и другiе мелкiе прислужники. Они исправляли низшую службу при дворѣ княжескомъ и провожали князя на войну беречь его коня, смотрѣть за его оружiемъ, и такъ далѣе; они и бились на войнѣ подъ управленiемъ старшихъ дружинниковъ, либо самого князя. Но только старшiе дружинники назывались княжими *мужами, боярами* и *думцами*, то есть совѣтниками князя. Они и въ битвахъ бывали воеводами. Имъ давалъ князь важныя должности посадниковъ въ городахъ. Съ ними то всегда и совѣщался Владимiръ и отдыхалъ въ своей *гридницѣ*.

Гридницею называлась горница въ теремѣ великокняжескомъ: это названiе произошло отъ древняго слова *грида*—то есть сборище.

Въ своей просторной росписной гридницѣ Владимiръ угощалъ дружинниковъ; сидѣли они на скамьяхъ, за большимъ столомъ; а иныя скамьи крыты дорогими коврами, другiя сдѣланы изъ дорогаго рыбьяго зуба: рыбьимъ зубомъ предки наши звали клыки моржей; этихъ звѣрей ловили ловкiе новгородскiе охотники у рѣки Печоры, въ Ледовитомъ морѣ. Скамьи встарину назывались *бесѣдами*; на нихъ сидѣли дружинники и бесѣдовали между собою и съ княземъ; были въ гридницѣ и стулья: встарину ихъ называли *стольцами*. Въ гридницѣ прислуживали князю и боярамъ младшiе дружинники, *гриди*. Теперь Владимiръ сталъ христiаниномъ и не допускалъ прежняго безчиннаго разгула на своихъ

пирахъ. Любила и дружина бесѣдовать и пировать у ласковаго князя.

Жены и дочери дружинниковъ тутъ же въ гридницѣ пируютъ со всѣми и съ великою княгиней, супругой Владиміра. Разряжены онѣ въ золото, серебро, въ каменья драгоцѣнные и парчу.

Но Владиміръ устроивалъ еще пиры въ своей гридницѣ и во дворѣ великокняжескомъ каждое воскресенье, по старинному: каждую „недѣлю". Устроивалось воскресное и праздничное угощеніе отъ князя духовенству; а потомъ и многимъ кіевлянамъ. И при князѣ, и безъ него являлись по воскресеньямъ во дворъ великокняжескій почетные горожане и горожанки; бывали во дворѣ княжескомъ еще пиры въ Господскіе большіе праздники: много народа тогда собиралось; и ѣды, питья было ему вдоволь.

Пируютъ русскіе люди, между собой разговариваютъ, своего князя величаютъ. И соберутся иногда у князя люди не съ одного города Кіева: самъ князь на праздники созывалъ къ себѣ горожанъ изъ другихъ русскихъ городовъ. Тутъ же во дворѣ княжескомъ и *гости,* купцы пришлые изъ далекихъ чужихъ земель. Самъ Владиміръ князь межъ народа пройдется, тому другому привѣтное слово вымолвитъ. Случится, что узнаетъ про бѣду чью нибудь, и тутъ же отъ бѣды, какъ можетъ, и пособитъ. А княгиня помогаетъ своему супругу угощать народъ. Пируютъ люди, и вотъ пѣвцы русскіе заиграли на гусляхъ, подъ гусли запѣли народу о былыхъ дѣлахъ родной земли. Они вѣдь многое знаютъ; недаромъ наши предки звали ихъ „вѣдущими". У всѣхъ славянъ встарину были такіе пѣвцы; могли они въ пѣсняхъ разсказать всю свою родную старину „по памяти какъ по грамотѣ".

Поютъ русскіе пѣвцы о прошломъ далекомъ и недавнемъ. Поютъ они, какъ море разыгралось, разметало русскія ладьи, какъ Аскольдъ и Диръ смирились передъ чудомъ Божьей Матери... Поютъ про Олега, какъ онъ созывалъ свою дружину и пускался съ нею охотиться: ловилъ „горностаюшекъ и сѣрыхъ заюшекъ"; становила дружина веревочки шелковыя по сырой землѣ, ловилъ Олегъ въ темномъ лѣсу, на тенета эти, лисицъ и куницъ, дикихъ звѣрей и черныхъ соболей; на силки на шелковыя ловилъ онъ „гусей, лебедей, ясныхъ соколовъ и малую птицу пташицу"; садился потомъ съ дружиной въ корабли, плылъ къ Грекамъ и громилъ Царьградъ. Пѣли пѣвцы, какъ и Ольга проучила древлянъ за Игоря, какъ она подъ конецъ жизни всѣ дни молилась за Русскую землю и за сына Святослава; какъ Святославъ воевалъ далеко отъ Руси. Такъ пѣвцы пѣли всякія былины, давнія и недавнія. Пѣли они и о дальней индѣйской землѣ; а потомъ пѣли „славу" государю Владиміру и всей русской землѣ. Замолкли пѣвцы, а въ народѣ иные задумались.... Но вотъ выступалъ еще съ гуслями какой нибудь горожанинъ кіевскій, либо дружинникъ; и началъ онъ „по стрункамъ пальцами похаживать, началъ своимъ голосомъ подлаживать": играетъ онъ по ученому — по цареградски, подъ ладъ поетъ пѣсни кіевскія; „отъ стараго всѣ да до малаго, тутъ всѣ на пиру призамолкнули"... Всѣхъ утѣшилъ молодецъ своей мастерской игрою; всѣ его благодарятъ и похваливаютъ... Погодя, запѣли еще слѣпцы пѣвцы — калѣки перехожіе. Они поютъ евангельскую притчу о двухъ братьяхъ Лазаряхъ — богатомъ и бѣдномъ, о Егоріѣ Храбромъ, объ Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ; поютъ о Василіѣ, какъ онъ пьяница вдругъ

началь каяться: со слезами на глазахъ громкимъ воплемъ молился Богородицѣ, бился о церковную паперть головою; и за него умолила Господа Матерь Божія; получилъ онъ отъ Бога прощеніе, сталъ тружеником и постникомъ. — Такъ народъ проводилъ время на пирахъ у князя Владиміра. И каждое воскресенье бывали такіе пиры даже безъ князя, когда его нѣтъ въ Кіевѣ.

Веселѣе было пировать, когда на пиру самъ привѣтливый хозяинъ, самъ князь — „ласковое солнышко", какъ народъ прозвалъ Владиміра. Въ большіе Господскіе праздники Владиміръ, бывало, передъ началомъ пира поучаетъ собравшійся людъ отъ словесъ Евангельскихъ; онъ толкуетъ людямъ, что означаетъ какое нибудь изреченіе Евангельское, и какъ жить слѣдуетъ по нему вѣрующимъ христіанамъ. Самъ Владиміръ очень любилъ слова Святаго Писанія. Услышалъ онъ разъ, читались слова Спасителя: „блаженны милостивіи, яко тіи помилованы будутъ", и потомъ: „продайте имѣнія ваша и дадите нищимъ", и еще: „не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ, идѣже тля тлитъ и татіе подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе крадутъ": слышалъ онъ еще изреченіе псалмопѣвца Давида: „блаженъ мужъ, милуя, и дая" и Соломона: „вдаяй нищему, Богу взаимъ даетъ"... Слышалъ эти слова Писанія князь, и велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжескій, и брать, что нужно, пищу и питье; тутъ же велѣлъ раздавать бѣднымъ и деньги.

Когда это сдѣлалъ Владиміръ, онъ еще вспомнилъ: „вѣдь старые и больные не могутъ дойти сами до моего двора"... Тогда приказалъ накладывать цѣлые возы хлѣбовъ, мяса, рыбы, разныхъ овощей, меду въ боч-

кахъ, а въ другихъ квасу. Слуги княжескіе должны были возить эти возы по городу и кликать: „гдѣ больные, и нищіе, что не могутъ ходить“? И кого изъ такихъ находили, тѣмъ раздавали, что нужно.

Такъ пировалъ Владиміръ, ставши христіаниномъ! Ходилъ онъ въ своемъ дворѣ, середи пировавшаго народа, и былъ радостенъ лицомъ и душою, видя, что всѣ русскіе люди около него были христіане...

VIII.

Границы Руси при Владимірѣ. Управленіе Руси Владиміромъ. Онъ распространяетъ грамотность и издаетъ законы. Смерть Владиміра. Перемѣна въ немъ послѣ крещенія.

Не даромъ Владиміръ въ первое время своего княженія велъ частыя войны. Онъ распространилъ русскія владѣнія. При немъ границы Руси были такія: *на сѣверъ* до Финляндіи и нынѣшней Архангельской губерніи; *къ востоку*—до нынѣшнихъ Вятской и Казанской губерній; *къ югу*—русскіе все больше подвигались въ печенѣжскія степи надъ Чернымъ и Азовскимъ морями: по рѣкамъ Пруту и Днѣстру выдвигались русскія поселенія; восточный берегъ Азовскаго, по тогдашнему Сурожскаго, моря частію принадлежалъ русскимъ: на южномъ краю этого берега, на устьѣ рѣки Кубани въ нынѣшней Кубанской области, было княжество Тмутараканское-русское; Владиміръ посадилъ здѣсь сына своего Мстислава. *Къ западу* русскія границы были до Балтійскаго моря, по Двинѣ и Бугу; Литва, племя по языку родственное славянамъ, въ областяхъ западной Двины и Нѣмана, въ нынѣшнихъ губерніяхъ—ковенской, частію гродненской и сѣверозападной части виленской, при-

надлежала Руси. —Руси же принадлежали и земли до Карпатскихъ горъ, по тогдашнему названію земля Червенская: это нынѣшняя Галиція, гдѣ живутъ наши сродичи русскіе. Вотъ какое пространство занимала Русь при князѣ Владимірѣ!

Но русскіе постоянно пробирались дальше этихъ предѣловъ. Ловкіе новгородцы устроивали свои поселенія между финнами, занимавшими весь сѣверъ нынѣшней Россіи отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ; эти поселенія были больше по великимъ сѣвернымъ рѣкамъ—Двинѣ съ ея притоками, Вагою и Пинегою, по Мезени и Печорѣ. Заходили новгородскіе удальцы и въ область пермяковъ. Народъ пермяки жили въ верховьяхъ сѣверной Двины и Камы, въ нынѣшнихъ губерніяхъ: пермской, частяхъ вятской, вологодской и архангельской. Пермь, или встарину *Біармія*, славилась богатствомъ пушныхъ звѣрей и драгоцѣнныхъ металловъ. Отсюда добывались лучшіе дорогіе мѣха. И вообще русскіе, въ тѣ времена, были очень отважны, далеко странствовали: одни, напримѣръ, плавали по балтійскому морю у береговъ нынѣшней Пруссіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, плыли и дальше; другіе пробирались въ Сибирь до рѣки Оби; третьи доплывали на своихъ ладьяхъ до греческаго острова Крита, и даже до малоазіатской страны Сиріи по Средиземному морю...

Князь оберегалъ русскую землю отъ всякихъ сосѣднихъ недруговъ. Онъ заботился, чтобы и внутри ея было мирно. При Владимірѣ еще до его крещенія вздумали возстать противъ власти кіевскаго князя вятичи, но были Владиміромъ усмирены. Вятичи сидѣли тогда по Окѣ, въ нынѣшнихъ тульской и калужской губерніяхъ. Потомъ возстали было ихъ сосѣди радимичи. Они сидѣли

въ нынѣшнихъ могилевской и смоленской губерніяхъ по рѣкѣ Сожѣ, лѣвому притоку Днѣпра. — И былъ у Владиміра воевода, прозваніемъ *Волчій Хвостъ.* По приказу князя онъ пошелъ съ войскомъ на радимичей, встрѣтилъ ихъ ополченіе на рѣчкѣ Пищани, правомъ притокѣ Сожи, и побѣдилъ; эта рѣчка Пищань теперь называется Пещанъ; она въ старобыховскомъ уѣздѣ могилевской губерніи, въ шести верстахъ выше Пропойска, бывшаго города, нынѣ мѣстечка. — Вятичи и радимичи хотѣли было управляться сами собою, не платить дани Владиміру; но вся русская земля тогда уже согласно признавала кіевскаго князя своимъ государемъ; и русскіе сами въ то время смѣялись надъ возстаніемъ радимичей, говоря: „Пищанцы отъ Волчья Хвоста бѣгаютъ!“ Съ тѣхъ поръ ни одинъ край русской земли больше не возставалъ противъ княжеской власти Владиміра.—Но Владиміру слѣдовало оберегать народъ еще отъ злыхъ людей изъ народа же, отъ разбойниковъ. Въ то время на Руси не казнили разбойниковъ смертью, а брался съ нихъ за преступленія штрафъ, по старинному: *вира*; самихъ же ихъ, вѣроятно, заточали. Вотъ разъ хитростью изловили одного разбойника, названіемъ Могута. Приведенный къ князю, Могутъ громко воскликнулъ съ великими слезами: „о Владиміръ! пусть будутъ поручниками по мнѣ Господь Богъ и его Пречистая Матерь, что я впередъ никакого зла не сдѣлаю передъ Богомъ и людьми; всю жизнь я буду въ покаяніи!“ Услыхалъ это Владиміръ и умилился душой и сердцемъ. Онъ отослалъ Могута въ митрополичій домъ, приказалъ ему никогда не выходить оттуда. Конечно люди стерегли здѣсь Могута; но онъ никогда и не старался уйти изъ дому, а велъ самую строгую жизнь:

смиренно каялся въ своихъ грѣхахъ до самой смерти своей въ митрополичьемъ домѣ.—Въ одно время разбои особенно умножились. Епископы, не знавшіе русскихъ обычаевъ, и говорятъ Владиміру: „вотъ умножились разбойники, почему не казнишь ихъ?“ Онъ отвѣчалъ: „боюсь грѣха“. Они же сказали ему: „ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; надо тебѣ казнить разбойника, только разобравъ дѣло“. Владиміръ послушалъ ихъ.

Князь и посадники, имъ назначенные, вели судъ и расправу по городамъ: и за это въ народѣ платились *судныя* пошлины съ каждаго дѣла; то есть платилъ судившійся. Собирались эти пошлины княжескими слугами, *тіунами*; такіе тіуны были и судьями по инымъ дѣламъ. Еще шли въ казну князю *виры* за убійство; то есть въ казну отбиралось имѣніе убійцы, какъ штрафъ за преступленіе. Иногда виру за убійцу платила его община, гдѣ онъ числился; это когда міръ желалъ оставить убійцу среди себя, не лишать его имѣнія: можетъ быть, онъ человѣкъ хорошій, исправный, а по какому нибудь несчастію сдѣлался убійцею. Общинами, или какъ теперь говоритъ нашъ народъ, *міромъ*, жила тогда большая часть русскаго народа и по городамъ и по деревнямъ.—Еще народъ уступалъ князю иныя земли, разныя угодья, рыбныя ловли, звѣриныя ловища и другія. Кромѣ того, самъ князь покупалъ себѣ земли; или же своими работниками расчищалъ и воздѣлывалъ новыя, и тогда онѣ становились княжимъ владѣніемъ. Всѣми этими доходами Владиміръ содержалъ дружину, жилъ самъ и задавалъ пиры народу.—Княжихъ посадниковъ содержали города и подвѣдомые имъ по суду деревни, села и пригороды, то есть меньшіе города. Дружинникамъ же инымъ князь

давалъ, на время ихъ службы, землю изъ своихъ княкняжескихъ владѣній. Есть преданіе, что Владимiръ далъ большія помѣстья варягу Сигурду. Но эта земля не могла быть ни продана, ни отдана никому дружинникомъ, и если онъ оставлялъ службу, то она возвращалась князю. Такіе богатые дружинники, выходя по зову князя на войну, приводили съ собою своихъ многихъ ратниковъ. И княгиня тоже, должно быть на свой счетъ, содержала свою дружину. У княгинь, княженъ и сыновей княжескихъ были тоже свои покупныя или дареныя земли. Наконецъ въ пользу церквей и княземъ, и народомъ бывали уступаемы разныя земли; онѣ становились съ тѣхъ поръ церковными.

Князь Владиміръ очень заботился о грамотности: „душа безбуквенная мертва между человѣковъ"—такія слова сказалъ просвѣтитель славянъ, преподобный Кириллъ, въ своемъ предисловіи къ переводу Евангелія. Владиміру они были извѣстны; князь понималъ, что безъ ученья народъ русскій не можетъ остаться. Нужно, чтобы русскіе сами изъ книгъ Божественныхъ тверже узнавали христіанское ученіе. И вотъ сейчасъ послѣ крещенія Руси, Владиміръ, по совѣщаніи съ митрополитомъ Михаиломъ, велѣлъ по всѣмъ городамъ брать дѣтей у знатныхъ, среднихъ и убогихъ горожанъ и раздавать ихъ по церквамъ священникамъ „въ наученіе книжное". Многіе матери плакали, словно по мертвецамъ, по своимъ дѣтямъ, отсылая ихъ въ ученье. Но эти матери, только что сами окрещенныя, были еще не тверды въ новой вѣрѣ. Неразумныя, онѣ думали, что ихъ дѣтей уводятъ невѣсть куда и зачѣмъ. Но скоро онѣ увидали, что ихъ дѣти только добру учатся: и конечно успокоились. Есть преданіе, что митрополитъ Михаилъ самъ наставлялъ

учителей, чему и какъ обучать дѣтей. Онъ просилъ, чтобы^они учили дѣтей, кромѣ грамоты, благонравію, правдивости, любви, страху Божію, чистотѣ и кротости; особенно просилъ онъ, чтобы учителя сказывали дѣтямъ ученіе отъ закона Господня на пользу дѣтской душѣ и тѣлу; также „объясняли ласково имъ уроки, задавая новые и повторяя старые.“ — Даже въ пѣсняхъ времени Владимірова осталась память о тогдашнемъ дѣтскомъ обученіи, о тогдашнихъ новыхъ грамотныхъ людяхъ. Въ одной, напримѣръ, пѣснѣ разсказывается о дѣтскихъ годахъ Владимірова богатыря, Добрыни Никитича: „а и будетъ Добрыня семи годовъ, присадила его матушка грамотѣ учиться, а грамота Никитичу въ наукъ (навыкъ) пошла; присадила его матушка перомъ писать“. Вотъ сама мать заботится обучить сына. Обученный Добрыня, выросши, сталъ такой учтивый и умный: „онъ крестъ кладетъ по писаному, а поклонъ отдаетъ по ученому“, потому что онъ самъ „грамотей и роду племени ученаго“; потому онъ „*умѣетъ* и слово вымолвить“ у него и „вѣжество (вѣжливость) ученое“; вмѣстѣ съ обученьемъ грамотѣ онъ научался и вести себя хорошо; заиграетъ ли онъ въ гусли, сейчасъ видно, что изъ него „не быть удалой скоморошины“, что онъ не покажетъ себя разгульнымъ шутомъ, что онъ играетъ по ученому, что онъ хорошо воспитанъ. — Другой Владиміровъ богатырь, Екимъ Ивановичъ, тоже „въ грамотѣ поученый человѣкъ“. Илья Муромецъ также всегда самъ читаетъ письма „скорописчатыя“. А одинъ богатырь, Касьянъ Михайловичъ, ходившій съ своей дружиной въ Іерусалимъ, зашелъ оттуда по дорогѣ въ Кіевъ и тамъ, пробывъ слишкомъ два дня у князя, такъ убѣждалъ свою дружину: „вынималъ изъ сумы

книжку свою; посмотрѣлъ и число показалъ: что мног
мы, братцы, пьемъ, ѣдимъ, прохлаждаемся; уже треті
день въ доходѣ (къ концу) идетъ: и пора намъ, молодцы
въ путь идти". Вотъ стало быть русскіе странник
вели записныя книжки; въ нихъ они записывали гдѣ
когда были, и что съ ними случалось. Въ самомъ дѣлѣ
въ послѣдующее за Владиміромъ время явились раз
сказы о святой землѣ—Іерусалимѣ, писанные русским
странниками. Вотъ какъ пѣсни вспоминаютъ прежних
грамотныхъ русскихъ людей!—Должно быть, во врем
Владиміра вслѣдъ за дѣтьми многіе и возрастные обу
чались грамотѣ. Самъ князь заставилъ своихъ дѣте
выучиться грамотѣ. Такъ, сынъ Владиміра, Ярославъ
былъ грамотенъ и очень любилъ книги. А вотъ чт
извѣстно про младшихъ сыновей, Бориса и Глѣба
эти сыновья жили съ Владиміромъ; Глѣбъ еще был
ребенокъ и пока не учился; а Борисъ имѣлъ разум
просвѣщенный благодатію Божіей. Потому то онъ брался
за книги и читалъ: грамота была уже ему извѣстна
Читалъ онъ житія Святыхъ и мученія, и, произнос
вслухъ, молился со слезами. Глѣбъ, видя что брат
молится, всегда прислушивался къ его словамъ; и п
цѣлымъ днямъ, а порою и долго за ночь слушалъ его..
Такъ Владиміръ на своихъ сыновьяхъ показывалъ на
роду примѣръ, что грамотѣ нужно учиться. Начал
учиться русскіе по славянскимъ книгамъ, привезенным
изъ Болгаріи. И вскорѣ послѣ времени Владиміра наш
предки ужъ говорили: „мы прежде не слыхали словес
книжныхъ, но по Божью строенію и по милости свое
помиловалъ Богъ"... Значитъ обученіе грамотѣ он
признали милостью Божіей.

Чтобы русскіе люди еще лучше привыкли жить по

христіанскому закону, Владиміръ далъ народу своему два устава. Первый названъ: „законъ о судахъ церковныхъ“. Онъ былъ написанъ въ совѣщаніи князя съ своей супругой Анною, съ боярами и съ митрополитомъ Леонтіемъ; онъ составленъ больше изъ церковныхъ греческихъ правилъ. Вотъ какъ духовенство должно было просвѣщать русскій народъ, и заботиться о немъ по этому уставу: при церкви должны находиться гостинницы, пріюты для бѣдныхъ, дома для принятія бѣдныхъ странниковъ, больницы. Кому негдѣ было жить, хромцы, слѣпцы, калѣки, рабы, отпущенные на волю и неимѣющіе чѣмъ жить, безпріютныя вдовы и сироты, несчастные неоплатные должники, — всѣ эти люди отданы на попеченіе церкви. Если имъ нужно будетъ между собою судиться, то пусть судитъ ихъ епископъ или его намѣстникъ. Церковному же попеченію отданы паломники: такъ назывались встарину странники ко святой землѣ — Іерусалиму; еще надзору духовенства отданы лѣкаря: они въ языческія времена часто лѣчили не одними лѣкарствами, а еще волшебствомъ, обманывая народъ: теперь духовенство должно наблюдать, чтобы лѣкаря колдовствомъ не морочили больныхъ, а помогали имъ только лѣкарствами.— Случится, что кому нибудь изъ всѣхъ людей, отданныхъ подъ церковный надзоръ, нужно судиться съ человѣкомъ, не отданнымъ подъ надзоръ духовенства; тогда пусть будетъ общій судъ: вмѣстѣ съ духовнымъ судьей долженъ разбирать дѣло и свѣтскій судья княжескій.— Особенно духовенство должно заботиться о рабахъ: это были люди безземельные и бездомные, какъ нибудь попавшіе въ вѣчные работники къ своему хозяину; но хозяинъ, умирая, можетъ, самъ по себѣ или по увѣ-

щанію своего духовнаго отца, отпустить своихъ рабов
на волю, — „на поминъ своей души“, какъ говорил
встарину; тогда епископъ долженъ отвести имъ мѣст
на церковной землѣ поселиться; они займутся здѣсь
пашней, и промыслами; конечно такіе поселенцы посл
платили каждый годъ въ церковь небольшую часть из
своихъ доходовъ.—Еще на судъ церковный отдавалис
всѣ семейныя дѣла: поссорятся ли мужъ съ женою
обижаютъ ли дѣтей родители, или дѣти не почитают
родителей; тогда епископъ или его намѣстникъ должн
судить эти дѣла: виноватыхъ вразумлять Христовым
ученіемъ, за невинныхъ заступаться. Епископъ такж
долженъ надзирать за опекунами, чтобы они по христі
ански воспитывали отданныхъ имъ сиротъ, чтобы сбе
регали ихъ имѣнія, пока тѣ придутъ въ совершенны
возрастъ.—Чѣмъ же духовный судья можетъ наказат
тѣхъ, кто послѣ его суда окажется виновенъ? За ра
ныя вины наказаніемъ должны быть: или денежны
взыскъ (пеня), или церковное покаяніе. Когда нужн
строже наказать виновнаго, духовенство могло переда
вать его князю. Но ни князь, ни свѣтскіе судьи н
вмѣшивались сами въ церковный судъ. И нынѣ кой-гд
поется въ народѣ о тіунахъ пѣсня; а въ ней дѣти гов
рятъ другъ другу; „ты не бойся тіуна (то есть свѣтскаг
судьи) тіунъ тебѣ не судья, судья намъ владыка (т
есть епископъ)“; вотъ какъ пѣсня русская помнитъ старин

Владиміру желалось даже, чтобы духовенство пом
гало и свѣтскимъ судьямъ. Самъ Владиміръ управлял
Русью „по устроенію отцовскому и дѣдовскому“; но
принявъ крещеніе, онъ откинулъ въ этомъ устроені
все, что было языческаго. И русскій народъ судилс
также по обычаямъ своимъ предковъ; теперь, въ кре
щеной Руси, епископскій намѣстникъ долженъ былъ на

блюдать за княжескимъ судьею, не разсудилъ бы тотъ какого дѣла по старому, по язычески; судья можетъ сдѣлать это совсѣмъ неумышленно, по незнанію всего христіанскаго закона. И Владиміръ прямо далъ повелѣніе: „тіунамъ своимъ приказываю не судить безъ епископскаго намѣстника“. Значитъ, и свѣтскій судъ долженъ былъ судить при Владимірѣ по христіански.

Въ придачу къ обычаямъ народнымъ Владиміръ далъ народу еще уставъ подъ названіемъ: „законъ судный людямъ“; въ немъ сказано, что всякій обвиняющій другаго человѣка должен доказать свою жалобу; пускай приведетъ съ собой свидѣтелей добрыхъ, честныхъ людей, какимъ бы судья могъ повѣрить; и пусть они подтвердятъ, что такой-то человѣкъ вправду обидѣлъ обвинителя. За ложный же извѣтъ на судѣ, если ложь откроется, свидѣтель будетъ строго наказанъ. Также когда обвинитель напрасно клеветалъ на другаго, говоря, что тотъ его обидѣлъ, тогда обвинителю будетъ большое наказаніе. Еще судный законъ пересчитываетъ разныя безчестныя дѣла, какія могутъ сдѣлать дурные люди, и за каждое назначаетъ какое нибудь наказаніе.— Наказывалъ тогда свѣтскій судъ розно: какимъ нибудь денежнымъ взыскомъ, заточеніемъ, лишеніемъ всего имѣнія, и отдачею въ рабы. А тѣлесныхъ наказаній въ тогдашней Руси не было.

Такъ со временъ князя Владиміра Русь просвѣщалась Христовымъ ученіемъ, и утверждались въ ней христіанская милость и правда.

За четыре года до своей смерти Владиміру пришлось испытать горе: умерла супруга его Анна. Владиміръ похоронилъ княгиню въ Десятинной церкви. А на третій годъ по ея смерти, другое горе случилось съ Владиміромъ. Въ Новгородѣ сидѣлъ сынъ князя, Ярославъ, и

вдругъ сталъ отцу непокоренъ: не хотѣлъ высылат
ему трехъсотъ гривенъ *урока*, что новгородцы кажды
годъ платили въ Кіевъ великому князю. Владиміръ на
чалъ самъ собираться въ Новгородъ, чтобы усмири
Ярослава, но вдругъ захворалъ.

Такъ прошелъ почти годъ. Владиміръ сильнѣе рас
хварывался. Въ это время жилъ при немъ самый лю
бимый сынъ его, Борисъ. И вотъ приходитъ вѣст
князю, что идутъ на Русь Печенѣги. Владиміръ сам
былъ очень боленъ и послалъ противъ нихъ Бориса с
войскомъ. Тогда Владиміръ одинъ остался въ своем
селѣ Берестовѣ, и одинъ скончался пятнадцатаго іюл
тысяча пятнадцатаго года.

Въ то время въ Кіевѣ сидѣлъ старшій сынъ Влади
міра, Святополкъ, нелюбимый кіевлянами. Самъ Влади
міръ не долюбливалъ Святополка за его дурной нрав
Въ народѣ думали, что князь сдѣлаетъ Бориса своим
наслѣдникомъ. Бориса же очень любили и кіевляне.
людямъ, окружавшимъ Владиміра, бывшимъ при ег
смерти, желалось пока скрыть смерть князя отъ Свя
тополка: пускай прежде кіевляне узнаютъ о смерт
Владиміра; можетъ быть, они постараются, чтобы вели
кимъ княземъ сталъ Борисъ, а не Святополкъ. И так
бояре никому не сказали въ Берестовѣ, что Владимір
умеръ: а то неравно какой нибудь подслужникъ Свято
полковъ поскачетъ къ нему съ этою вѣстью въ Кіевъ
сами же послали къ Борису съ вѣстью. Но Борисъ н
пріѣзжалъ. Тогда, черезъ нѣсколько времени, они рѣ
шились везти тѣло въ Кіевъ. Когда настала ночь, бо
яре разобрали полъ между клѣтями, обернули тѣло по
койнаго князя ковромъ и на веревкахъ спустили внизъ
такъ и перемѣстили они тѣло покойнаго ночью за тѣмъ,
чтобы днемъ не замѣтилъ этого прежде времени какой

Святый Великій Князь Владиміръ.

нибудь лишній человѣкъ. Потомъ они положили тѣло на *сани* и тихо, никѣмъ не замѣченные, повезли его въ Кіевъ. Имъ все думалось, что Борисъ подоспѣетъ, но его не было. — *Санями*, кромѣ зимнихъ настоящихъ саней, тогда называлась еще повозка, небольшая и низкая: въ ней вывозили или же переносили покойниковъ къ мѣсту погребенія.

Такъ никто, кромѣ везшихъ тѣло, не зналъ еще о смерти Владиміра; никто сторонній и не видалъ, какъ покойнаго везли ночью, и ввезли въ Кіевъ. Бояре же совсѣмъ обманулись: Борисъ не пріѣхалъ и въ это время.

Когда поставили тѣло въ Десятинной церкви, тогда только разнеслась молва о смерти князя; и весь народъ свѣдалъ про свое горе. Безчисленныя толпы собрались къ покойнику, и плакали всѣ кіевляне великимъ плачемъ: бояре плакали о князѣ, заступникѣ русской земли; убогіе плакали о немъ, заступникѣ ихъ и кормителѣ.— Со слезами положили тѣло блаженнаго князя въ мраморный гробъ и погребли около гробницы покойной супруги его, въ Десятиппой церкви.

Владиміру было не больше пятидесяти трехъ лѣтъ, когда онъ померъ. А крестился онъ на двадцать шестомъ году своей жизни. Предки наши говорили о Владимірѣ: „не въ худой, не въ неизвѣстной землѣ онъ правилъ, но въ Русской: она извѣстна и слышима во всѣхъ концахъ земли. Владиміръ, покоривъ окружныя страны, тѣхъ миромъ, а непокорныхъ мечемъ, землю свою пасъ правдою, мужествомъ и смысломъ; и пришло на него посѣщеніе Вышняго, и возсіялъ разумъ въ сердцѣ его; понялъ онъ суету идольства и взыскалъ единаго Бога. И какъ же разгорѣлась въ немъ любовь ко Христу? Онъ вѣдь не видалъ Христа, не видалъ Апостоловъ, творившихъ чудеса, не видалъ — а увѣро-

валъ? — Своимъ добрымъ сердцемъ и великимъ умомъ
онъ разувѣрился въ язычествѣ и сталъ искать правой
вѣры. На немъ сбылись слова Спасителя: „блаженны
не видѣвшіе и вѣровавшіе“. И сердце Владиміра напол-
нилось страхомъ Божіимъ и милосердіемъ. Кто разска-
жетъ о многихъ его тайныхъ ночныхъ милостыняхъ, о
дневной щедрости къ бѣднымъ, сиротамъ, болящимъ,
должникамъ, вдовамъ, и всѣмъ требующимъ милости!
Его щедрость и милости и нынѣ поминаются“... Такъ
говорили наши предки о Владимірѣ вскорѣ же послѣ
его смерти. Въ самомъ дѣлѣ, двадцатишестилѣтній Вла-
диміръ, крестившись, вдругъ перемѣнилъ жизнь. А въ
такомъ молодомъ возрастѣ много труда ему нужно было
совсѣмъ перемѣниться. Всѣ двадцать семь лѣтъ осталь-
ной жизни, съ крещенія и до смерти, онъ не уставая
трудился объ устроеніи и просвѣщеніи своего народа;
войны онъ почти оставилъ, только оборонялъ Русь отъ Пе-
ченѣговъ. И при немъ Русь была внутри сильна, и славна
во всемъ тогдашнемъ мірѣ.—Самъ же князь сталъ кро-
токъ и милостивъ: онъ самъ всегда искалъ, гдѣ бы
только можно было оказать кому помощь; онъ благо-
творилъ бѣднымъ, возвращалъ свободу рабамъ и плѣн-
никамъ; онъ всегда старался новою жизнью загладить
всѣ грѣхи своей прежней языческой; онъ всегда глу-
боко скорбѣлъ о нихъ, всегда каялся и говорилъ: „Го-
споди, былъ я какъ звѣрь, жилъ я по-скотски, но ты
укротилъ меня“... И наши предки сказали о немъ: „отъ
его покаянія *разсыпались* всѣ грѣхи его!“ — Церковь
причла Владиміра къ лику Святыхъ, именуя князя „рав-
ноапостольнымъ“. Память святаго князя Владиміра празд-
нуется пятнадцатаго іюля.

Кому случится быть въ Кіевѣ, тотъ не забудетъ по-
бывать въ Десятинномъ соборѣ: въ народѣ нынѣ онъ

слыветъ больше подъ именемъ *Николы Десятиннаго*; въ немъ пришелецъ увидитъ мраморную гробницу князя Владиміра: въ Кіевѣ другіе славные памятники сѣдой старины увидитъ человѣкъ нынѣшній. Мы невольно задумываемся надъ памятниками древности: когда то около нихъ жили такіе же, какъ и мы, живые люди; какъ и мы, эти люди разно проводили время—только по своимъ обычаямъ; у нихъ были и своя радость и горе, свои труды и заботы; много поколѣній прошло послѣ нихъ, много случилось перемѣнъ на бѣломъ свѣтѣ; и прежніе, давніе люди будто забыты; но вотъ какой нибудь памятникъ отъ ихъ времени вдругъ дастъ о нихъ вспомнить; при видѣ его, словно оживаетъ въ нашей душѣ это старое время; далекое словно становится близкимъ. Но тѣмъ дороже намъ, если этотъ памятникъ *родной* старины. Не даромъ собираются въ *старый* Кіевъ русскіе богомольцы изъ далекихъ странъ Россіи, съ южныхъ краевъ ея, съ великихъ сѣверныхъ рѣкъ, изъ дальней Сибири, и отовсюду. Въ Кіевѣ наши русскія древности и святыни первыхъ временъ христіанской русской жизни. Самый Кіевъ наша святыня русская; надъ Кіевомъ исполнилось пророчество Апостола Андрея Первозваннаго; на горахъ кіевскихъ „возсіяла благодать“ христіанства; въ Кіевѣ была первая купель крещенія русскаго народа. Вотъ какая старина святая влечетъ въ Кіевъ нынѣ русскихъ богомольцевъ отовсюду!—Но старина родная заставляетъ насъ еще вспоминать съ благодарностью о нашихъ предкахъ: не ради себя однихъ мы живемъ на этомъ свѣтѣ; мы знаемъ, что сперва у насъ будутъ учиться наши потомки, что они займутъ наше мѣсто и переймутъ отъ насъ все доброе, что только мы умѣли дѣлать въ своей жизни; они и сами вновь узнаютъ многое, чего мы не знали,

но все же больше будутъ пользоваться нашими трудами; такъ и мы сами пользовались и пользуемся многими трудами нашихъ предковъ; и значитъ, наши предки при князѣ Владимірѣ не для однихъ себя жили... Широко развернулась въ своей царственной красотѣ нынѣшняя Россія, наше дорогое отечество: много въ ней и разнаго богатства, и земли; по степямъ ея огромныя рѣки въ моря катятся; во всѣ стороны лежатъ пути по ней: въ одномъ краю ея почти вѣчное лѣто, почти всегда зелень травы и деревьевъ; въ другомъ вѣчный снѣгъ, и горами ходитъ ледъ по синему морю... Велика наша Россія! Но вспомнимъ то время, когда она еще начинала жить, при князѣ Владимірѣ: сколько сдѣлали наши предки, сколько положили труда создать свое тогдашнее государство, бывшее несравненно меньше и бѣднѣй нынѣшняго! А это ихъ государство было началомъ нашего нынѣшняго. И вотъ сначала, когда трудились они, надъ ними, будто ночь лежала, простирался мракъ язычества; но потомъ они приняли вѣру Христову и чрезъ много поколѣній передали ее намъ. Пусть же нынѣшній русскій православный человѣкъ благодарно вспоминаетъ труды нашихъ предковъ; пусть онъ, если будетъ въ Кіевѣ, благодарно помолится передъ гробницею Владиміра, просвѣтившаго древнюю языческую ночь нашихъ предковъ свѣтомъ Христовой вѣры. Наши предки говорили объ этомъ просвѣщеніи: „дивно подумать, сколько добра сотворилъ Владиміръ Русской землѣ, крестивъ ее!..“ Во тьмѣ жили русскіе люди, но солнце засіяло имъ послѣ крещенія; а до тѣхъ поръ, по словамъ нашихъ предковъ: „какъ заря утренняя, какъ денница передъ солнцемъ“, выступала между русскими язычниками святая княгиня Ольга.

Конецъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ

имѣетъ въ продажѣ всѣ учебныя книги въ переплетахъ и безъ оныхъ; дешевыя народныя и дѣтскія книги въ красивыхъ папкахъ и коленкоровыхъ съ золотыми оттисками переплетахъ, классныя и учебныя пособія, дѣтскія педагогическія игры и принадлежности для письма и рисованія.

При требованіи или покупкѣ книгъ изданія Общества на 10 руб. дѣлается уступка 20%, на 100 р. и болѣе 25% уступки, съ учебныхъ, народныхъ и дѣтскихъ книгъ другихъ изданій 10 и 15%, кромѣ изданій синодальной типографіи, которыя высылаются безъ уступки.

Заказы исполняются за наличныя деньги или переводомъ платежа на одну изъ транспортныхъ конторъ. Казенныя и общественныя учрежденія могутъ высылать при заказахъ половинную часть денегъ по приблизительному расчету, остальныя же по полученіи заказа и счета. По заказамъ, книги высылаются въ переплетахъ цѣною въ коленкоровомъ корешкѣ по 10 к., въ кожаномъ корешкѣ съ золотымъ оттискомъ по 15 к. за экземпляръ.

ЗАКАЗЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ СКОРО И АККУРАТНО.

Требованія адресовать: въ книжный магазинъ Общества распространенія полезныхъ книгъ,

Москва, проѣздъ Петровскихъ торговыхъ линій.

Цѣна 5 коп.